

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Лягушачий король

Елена Ивановна Михалкова
Лягушачий король
Серия «Новый настоящий
детектив Елены Михалковой»
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 28

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66978088

Лягушачий король:
ISBN 978-5-17-132914-3

Аннотация

«Лягушачий принц выбирает себе жену.

Она должна быть молчалива.

Покорна.

Должна уважать старых жаб.

*Что ее ждет, если она ослушается: гнилая трясина или
корона из лилий?*

Выйди замуж за принца – и узнаешь».

В руки детективов Макара Илюшина и Сергея Бабкина попадает странная книга. Реальные истории описаны в ней или это плод больной фантазии? И почему гибнут люди, имеющие к ней отношение?

Новое расследование частных сыщиков – в романе Елены Михалковой «Лягушачий король».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	50
Глава 4	67
Глава 5	88
Глава 6	125
Глава 7	162
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Елена Ивановна Михалкова

Лягушачий король

© Михалкова Е., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Татьянин день

Этого человека привела Кристина.

С него-то все и началось.

Пожалуй, именно от нашей малютки я всегда безотчетно ждала какой-то выходки. Не от Варвары, и уж, конечно, не от Ильи.

Когда они появились, все были в сборе. Дети носились среди отцветающих флоксов, не слыша увещаний бабушки. Люся сидела в кресле-качалке на веранде и безмятежно улыбалась, подставляя лицо солнцу.

Естественно, мы все были там. Где еще мы могли находиться днем в воскресенье! Лишь тяжелая болезнь или смерть могли бы послужить причиной отсутствия на *семейном обеде мамы Ули*.

Сама Ульяна Степановна, потная, разгоряченная, выносила на веранду блюда. Щеки ее пунцовы. В вырезе халата на хлипкой нитке болтается перламутровая пуговка. Никакие пуговицы не в силах удержать напор по-мухински крепкой, могучей, словно бы железобетонной плоти.

Однажды Виктор Петрович сделал ей замечание: «Уленька, надо бы как-то прикрыться. Очень у тебя отчаянное... э-э-э... декольте».

Ульяна выпрямилась. Пуговица с треском отлетела в лоб садовому гному. Гном упал, пораженный насмерть.

«Я этой грудью троих выкормила, – с благородным негодованием начала она. – А ты ее стыдишься?»

Виктор Петрович почувствовал в ее логике изъясн, но не успел возразить. «Не думала, что меня этим станут попрекать! – продолжала Ульяна, добавляя в голос муки. – Дожила! Дожила-а-а!...»

Я ждала, что она заголосит, как Надюха в фильме «Любовь и голуби», – момент был подходящий, а моя свекровь остро чувствует драматургический потенциал фазы. Но она просто обхватила голову руками и принялась раскачиваться: незаслуженно униженная мать, оскорбленная жена.

Виктор Петрович покаялся, и больше к теме приличий не возвращались.

Я стала раскладывать вилки.

– Ровнее клади, – одернула свекровь. – Что мечешь, как на цыганский стол!

По моей сервировке можно калибровать линейку. Но я без возражений сдвигаю пару вилок под ее неодобрительным взглядом. Лицо у меня ничего не выражает, да и в душе я спокойна. Прошли те времена, когда я давала ей отпор.

Лишь одно я отстояла – право не называть ее мамой Улей. Здесь была точка невозврата. Я застыла намертво в этой точке, и язык у меня скорее отсох бы, чем повернулся сказать женщине с железными грудями «мама».

Ульяна замечает мужа с кастрюлей супа в руках и преображается:

– Витенька!.. Ну зачем ты сам! Это не мужское занятие!..

Она воркует. Она вытягивает губы трубочкой. Она вся преисполнена нежного укора – медведица, обихаживающая своего супруга, повелителя лесов и рек, ловца сверкающих лососей.

– Уленька! Я не могу позволить тебе носить тяжести! – блеет Виктор Петрович. – Настоящий мужчина должен...

Продолжение я пропускаю мимо ушей.

Мой свекор набит штампами, как сочинение девятиклассника, скачанное из Сети. Не припомню, чтобы он произнес что-то свежее, пусть не умное, но хотя бы свое. Даже не слыша, о чем он вещает, могу с уверенностью сказать, что в его речи упоминаются дерево, сын и баня. Он действительно возвел ее сам и, подозреваю, гордится ею больше, чем сыном.

Виктор Петрович оборвал тираду на полуслове и устался на калитку. Лицо у него вытянулось. Я проследила за направлением его взгляда и увидела нашего гостя.

У меня сорвалось изумленное восклицание.

Кристина предупредила, что приведет к обеду бойфренда. Я ожидала, что это будет один из ее типичных кавалеров: самоуверенный говорливый мальчик в куцых брючках.

Но человек, вошедший в сад Харламовых, был другим.

Взрослый. За сорок.

Огромный. Сперва мне подумалось, что гигантом наш

гость выглядит лишь на контрасте с хрупкой Кристиной, но когда он приблизился, оказалось, что даже высокий Илья едва достаёт ему до уха.

Тяжелая челюсть. Взгляд исподлобья, оценивающий, неприятно пристальный. Словно это мы вломились к нему непрошеными гостями, и теперь он размышляет, что с нами делать.

Святые небеса, в какой воинственной галактике Кристина его отыскала?

– Мама, папа, познакомьтесь: это мой Сережа! – простибетала девушка.

Ульяна вспомнила, наконец, о своем долге, приветственно протянула руки к гостю и спустилась с веранды.

– Зовите меня мама Уля, – пролепетала она.

С крупными мужчинами свекровь всегда поначалу берет этот тон – лепетание, колыхание и трепет, – словно девица на выданье, встретившая вдового генерала.

– Рад познакомиться, Ульяна Степановна, – невозмутимо сказал «мой Сережа».

И этим сразу завоевал мою симпатию. Нет, я по-прежнему относилась к нему настороженно, но то, с какой легкостью он отверг притязания на задушевность, внушало уважение.

Ульяна безропотно приняла его отказ.

– Кхе-кхе... Виктор Петрович! – Харламов-старший выпрямился, попытался втянуть живот и придать лицу строгость: папаша, озабоченный тем, что юная дочь привела в

дом мужчине, годящегося ей в отцы.

– Папа, ты прямо как на плацу! – фыркнула Кристина. – Да расслабьтесь вы все! Сережа не кусается!

– Григорий Павлович Богун, жених Варвары, водитель-экспедитор, – отрекомендовался Гриша. Я давно заметила, что он всегда представляется полным именем и профессией. Странная привычка в наше время имен без отчеств.

– Илья. – Мой муж улыбнулся гостю и от души потряс его руку. – Ого, вот это хватка!

– Непроизвольно, простите...

– Ну, кого Кристина притащила на этот раз? – На пороге показалась Варвара. – Мама, у тебя пирог...

Она осеклась.

– Сергей, приятно познакомиться, – спокойно сказал мужчина.

– Не староваты вы для нее, Сергей? – с нехорошей усмешкой спросила Варвара.

Ульяна ахнула.

– Варя! Что ты!..

– Не обращай внимания, Сережа, моя сестра шутит...

– Я вовсе не шучу!

– Проходите, Сереженька, присаживайтесь! Вы, надеюсь, проголодались...

– Нет, мама, его жена накормила! – отрезала Варвара. – У вас есть жена, правда? Знаете, Кристина у нас специализи-

руется на чужих – женихах, мужьях...

– О, господи... – Кристина закатила глаза.

– Варя, тебя куда-то не туда понесло, – упрекнул Григорий.

Но даже его вмешательство не помогло: Варвара закусил удила.

Не знаю, что подумал про наш зоопарк приятель Кристины. Ответить он не успел, потому что Люся выползла из кресла-качалки, как черепаха из своего панциря, и перевесилась через перила.

– Спасите нас от неловкости, молодой человек, – весело призвала она. – Сознайтесь, что вы смертельно голодны. Может быть, хоть тогда кто-нибудь вспомнит о подгорающем пироге!

Ульяна всплеснула руками и убежала.

Едва она исчезла, Варвара пришла в себя.

– Простите, Сергей! Я старшая сестра вашей красавицы, и меня иногда заносит. Слишком о ней забочусь, а ведь она уже взрослая!

Варвара притянула к себе Кристину и шутливо взъерошила ей волосы.

– С кем вы еще не знакомы? – В отсутствие Ульяны она мгновенно вошла в роль хозяйки дома, словно поймав на лету скинутое матерью пальто и одним движением накинув на плечи. – Илью уже знаете, так? Это его жена Татьяна. – Я приветственно помахала рукой, не делая попыток подойти к

гостю. — Ева и Антон — их дети, вон они, прячутся за кустами. Ну и, наконец, наша прекрасная Людмила Васильевна!

— Ах, что за церемонии! Людмилой Васильевной я не была даже то недолгое время, что преподавала девочкам труд в начальной школе. Зовите меня Люсей.

Это правда. Никто не называет Людмилу Васильевну полным именем. Для всех она Люся — маленькая собачка, что до старости живет щенком, постепенно теряя подвижность, зрение, остроту реакции.

Сегодня у Люси плохой день. До перил она кое-как добрела, но навстречу Сергею шагнула с явным напряжением.

Я улавливаю это бессознательно. А вот то, что наш гость заметил ее состояние, стало для меня неожиданностью. Он как-то стремительно переместился и оказался возле нее. Бережно подержал в огромных ручищах крошечную птичью лапку, а затем ненавязчиво проводил Люсю на ее место.

Кресло он придвинул к обеденному столу с такой легкостью, будто это была игрушечная коляска с куколкой внутри. Люся тихо засмеялась от удовольствия.

За обедом присутствие этого человека стесняло нас всех. Даже дети притихли. Виктор Петрович под стук ложек поинтересовался, чем занимается новый приятель его младшей дочери.

— Гнойная хирургия, — кратко отозвался Сергей, и новых расспросов не последовало.

Никто не расспрашивает о специфике работы гнойного хирурга за обеденным столом.

Суп, салаты, плов и шашлыки... Еды всегда слишком много. Мы обжираемся, тяжелеем. Сонная одурь овладевает нами, вокруг нас вьются мухи, словно мы туши дохлых животных. Этот ритуал насильственного кормления всегда казался мне жутковатым. Но отказаться нельзя.

Нас откармливают, точно пленников людоеда. Ева с Антоном избежали этой участи лишь потому, что у них непереносимость лактозы. Кто бы мог подумать, что наступит день, когда я стану благодарить провидение за болячки моих детей.

– Семейные ритуалы надо ценить! – провозглашает Виктор Петрович. Он отвалился от пирога, положил руку на живот и чутко прислушивается, точно беременная женщина, ловящая толчки младенца. – Семья – самое ценное, что у нас есть!

– Правда, папа! – отзывается просиявшая Варвара и кладет руку на плечо своего будущего мужа.

– Все так, – кивает Григорий, – все так!

– Верно, Гриша! – вдохновенно поддерживает будущего зятя Ульяна.

Илья просто улыбается, молча соглашаясь.

Конечно, семья – самое ценное, что у нас есть. Разве наши воскресные обеды не доказывают это?

Я замечаю брошенный на меня вопросительный взгляд

свекрови. Мой голос не прозвучал в общем хоре. Партия не была исполнена как должно.

– Плов потрясающий, – вдруг говорит наш гость. – И пирог тоже.

Мой промах милосердно забыт.

Ульяна действительно великолепно готовит. Вдохновенно, быстро, страстно. «Я вкладываю в еду всю себя», – патетично воскликнула она однажды, и мне стало понятно, отчего для нее так важно накормить всех нас, пусть даже насильно. Ульяна одаряет собою подданных ее маленького королевства. Никто не уйдет голодным.

Новый участник воскресной трапезы ест так, что она расцветает. Суп, плов, салат, пирог – видно, что все это доставляет ему удовольствие. В то же время он не обжора. Не проглот, которому все равно, чем набивать свою утробу.

Слава богу, перед шашлыками – перерыв. Дикость, конечно: жареное мясо после пирога. Но сопротивляться бесполезно. Семейная традиция!

– Татьяна, а ты что молчишь сегодня весь день?

Если бы здесь не было нашего нового гостя, Ульяна добавила бы: «Опять тебе что-то не по нраву? Не угодили мы тебе, Татьяна Максимовна?» Давнее навязанное мне амплуа: женщина, которая вечно чем-то недовольна. Эта искра всегда годится для разжигания пламени. Моя свекровь большая любительница контролируемых пожаров. В прошлой жизни она была пироманом.

Но сегодня у меня есть страховка от скандалов. Страховка сидит наискось в черной футболке, под которой бугрятся мышцы. Время от времени я чувствую на себе взгляд исподлобья – такой быстрый, что мне ни разу не удалось его поймать. Когда я поднимаю глаза, бойфренд Кристины полностью поглощен пирогом.

– Задумалась что-то, Ульяна Степановна, – отвечаю я.

Виктор Петрович неодобрительно качает головой. Приличные люди без разрешения супруга не задумываются!

– По шашлычкам, а? – Он хлопает Гришу по плечу. – Красна дорога ездоками, а обед едоками!

За хлопотами вокруг шашлыков наш гость сблизился с Гришей. Я видела с веранды, как они перекидываются шуточками. Действовали слаженно, быстро распределив обязанности.

– Танюша, не принесешь плед? – попросила Люся.

Сегодня прекрасный день начала сентября. Он весь пронизан мягким теплом и светом.

– Конечно, Люся.

Когда я возвратилась с пледом, мне навстречу выбежал Антон, счастливый и немного испуганный.

– Мама, мама! Смотри, что дядя Сережа мне подарил!

В кулачке у него зажата фигурка из каучукового пластика. Это ярко-зеленый лягушонок с бугристой спинкой. Я видела подобные фигурки в «Леонардо» и помню, что стояли они

недешево.

– Чудесный! Ты уверен, что это подарок?

Антоша торопливо закивал и спрятал руку за спину.

– Тебе нужно придумать ему имя. – Я поцеловала сына в лоб и пошла к Сергею.

Пять минут назад они с Гришей под яблонями обсуждали специфику маринада для шашлыков.

Во мне вдруг вскипел гнев. Бойфренд Кристины бездумно сунул игрушку моему сыну, чтобы чужой ребенок отвязался от него. Ему и в голову не пришло, что брат немедленно поделится своей радостью с сестрой, что девочка, оставшись без подарка, примется рыдать, а мне придется успокаивать ее и обещать, что мы купим игрушку и ей. И все равно Ева будет считать, что ее обделили! Черт возьми, мне постоянно приходится исправлять последствия слов и поступков за бабушкой с дедушкой! А теперь еще и этот остопоп туда же!

Пока я обходила дом, Гриша куда-то исчез. Под яблонями мы оказались вдвоем. Сергей откладывал шампуры с поджаренным мясом в сторону. Дразнящий запах распространялся вокруг.

– Антон рассказал, что был в зоопарке, – непринужденно сказал Сергей. – Он так много знает о крокодилах! Жаль, у меня не нашлось крокодила.

– Вы всегда носите с собой в кармане игрушечных животных?

– Да, мне их...

Он едва заметно запнулся. Другие не обратили бы внимания на эту задержку перед ответом, но долгие годы в окружении семейства Харламовых приучили меня быть внимательной.

– ...мне их приятель дарит, – как-то скомканно закончил он.

Сейчас, вблизи, я увидела, что у него умный взгляд. И впервые обратила внимание, что говорит он без малейшей гнусавости, которая иногда прорывается у Григория. Не знаю, отчего я была уверена, что у него сиплый голос.

Меня охватила растерянность. Зачем я пришла?

К чему объяснять, что он обидел одного ребенка, наградив другого?

– А, чуть не забыл, – спохватился он. – Я дал Еве панду. Вы не против? Решил, так будет правильно. Антону – лягушка. Еве – панда.

Я уставилась на него.

– Какую панду?

– Малую красную, – очень серьезно сказал он.

Я молчала. Он выбил почву у меня из-под ног.

– Я... я не видела...

– Она убежала к бабушке. Татьяна, дайте вон то блюдо, пожалуйста. В принципе, шашлыки готовы, можно всех звать.

Еве, в отличие от Антона, не слишком интересны игруш-

ки, ей важен сам факт подарка. Она сунула мне фигурку, бросила небрежно: «Мам, не потеряй» и убежала выпрашивать у Ильи планшет.

Красная малая панда оказалась сердитым рыжим зверьком, похожим на гибрид лисы и енота.

Шашлыки съедены. Посуда вымыта. Захмелевший Виктор Петрович бубнит:

– Всяк кулик свое болото хвалит! Получается, птица – и та с пониманием!.. А люди... Эх, люди... Измельчали. Никакого у них больше нет морального... права! Вот раньше! Раньше был порядок. Все знали, что главное, а что так. А сейчас... умных развелось, девать некуда...

Сначала отбыли Кристина с Сергеем. Наша очередь – за ними. Нельзя уезжать первыми, это позволено только младшей дочери.

– Мама, а когда дядя Сережа снова придет? – Антошка подкрался незаметно и подергал меня за рукав. – Ну когда, когда?

– Надо у Кристины спросить, – рассеянно сказала я.

Мне почему-то казалось, что этот человек больше никогда не появится.

К сожалению, я ошиблась.

Глава 2

Сыщики

За пять дней до описываемых событий

– Мне посоветовала обратиться к вам Анна Сергеевна Бережкова¹.

Девушка, сидевшая напротив Макара Илюшина, наклонилась и положила на его стол сложенную вчетверо записку. Макар развернул ее, и выражение его лица неувлимо изменилось.

Бабкин прочел через его плечо:

«Дорогой Макар Андреевич! Надеюсь, вы сумеете помочь Кристине. Мы с Яном, к сожалению, здесь бессильны. С уважением и благодарностью, А.С.».

Макар поднял на нее глаза.

– Значит, вы – Кристина.

– Кристина Харламова, – кивнула она. – Никакого отношения к прославленному хоккеисту. Не знаю, почему меня всегда об этом спрашивают.

Она недовольно передернула плечами.

Светлые вьющиеся волосы. Микроскопическая сумочка на золотистой цепочке. Босоножки с черными лентами, обхватывающими тонкую щиколотку. На вид чуть больше два-

¹ Анна Бережкова – главная героиня книги «Самая хитрая рыба».

дцати. Лицо полудетское, гладкое как яичко, на первый взгляд милое, на второй уже больше, чем милое: очаровательное. Бабкин к таким девицам относился настороженно, подозревая в лживости и склонности к гибельным авантюрам.

Но записка Бережковой удерживала его от окончательного диагноза. Старуха не стала бы швыряться рекомендациями направо и налево.

– Вы дружны с Анной Сергеевной? – поинтересовался Макар.

– Мы несколько раз встречались. Ее муж когда-то преподавал у моего брата.

– Прудников?

– Ага. Ян Валерьевич. Золотой дядька, правда?

Илюшин кивнул.

– Кристина, расскажите, в чем заключается ваша проблема.

– Вкратце или подробно?

– Подробно, – решил Макар после секундной задержки.

Она сосредоточилась, помолчала. Не держала паузу искусственно, а подбирала слова, прикидывала, с чего начать. Значит, не выдаст им гладкую заготовленную речь. Отчего-то это расположило Бабкина в ее пользу.

– Мою старшую сестру зовут Варвара, – сказала она наконец. – Ей тридцать четыре года. Несколько месяцев назад она познакомилась с мужчиной. Случайно: пробила колесо,

когда выезжала с парковки. Он как раз возвращался с тренировки... В общем, удачно оказался поблизости. Помог ей поменять колесо, сам все сделал. Утешил, угостил кофе, и все это ненавязчиво, без липучести – ну, знаете, как это бывает, когда мужчина придержал тебе дверь при входе в «Пятерочку» и считает, что теперь ты обязана с ним переспать... Короче, Варвара влюбилась. Через три месяца они уже говорили о свадьбе. Малость скорострельно, да?

Илюшин признал, что три месяца – небольшой срок.

– Но я был знаком с крепкими парами, которые поженились на третий день знакомства, – добавил он.

– Я тоже, – неожиданно согласилась она. – Нет вообще никакой зависимости, правда же? Можно десять лет встречаться, а потом пожениться и разбежаться через неделю. Дело не в этом.

Девушка снова задумалась.

– Он стал приезжать к нам по выходным, – как будто через силу продолжила она. – Гриша. Григорий Богун. У нас по воскресеньям семейные обеды, это традиция, никто их не пропускает... И Гриша сразу вписался в нашу семью. А это не так-то легко! Маман и папан у меня со специфическими характерами. – Она коротко хохотнула. – Он как будто знал всех нас. Чувствовал наше настроение, схватывал наши привычки на лету. Воспитанный. Вежливый. Сказал, что работал водителем, но решил отдохнуть, подумать, к чему лежит душа. Говорил, что с ранней юности вкалывал, потому что

остался сиротой, мог рассчитывать только на себя. В общем, человек из народа.

Бабкин сдержал усмешку.

– Мама с папой ему дико обрадовались, – продолжала Кристина. – Они у меня немножко ископаемые. Старшая дочурка замуж не вышла, значит, вроде как бракованная, пора начинать тревожиться. А тут такой доброкачественный парень! Не принц, зато работяга. Он и папе помогал по хозяйству, и к маме нашел подход. Говорю же, как будто он нас всех знает.

– А вы что о нем думаете? – спросил Макар.

Кристина вскинула на него голубые глаза.

– Не то чтобы он мне нравился, просто я радовалась за Варьку. Ей это нужно. Брак, порядочный муж, детишки, мама с папой под рукой, вечера семейные... – По едва заметной гримасе отвращения Сергей догадался, до какой степени вся эта картина женского счастья не соответствовала ее собственным идеалам. – А неделю назад кое-что случилось...

Она смущенно потеребила золотистую цепочку.

– У родителей дом в товариществе «Солнечное». Наши воскресные обеды именно там и проходят. На веранде стоит огромный стол, мама готовит гору еды, папенька делает шашлыки, все рассаживаются вокруг, общаются, шутят... Все шло как обычно, а потом явился этот бомж. Сначала стучал в калитку, звал какую-то Марусю. Потом стал просить, чтобы ему отрезали арбуза. Песни пел... Ну, больной чело-

век, что с него взять! Папа крикнул ему, чтобы он проваливал. Бомж ушел, но минут через пять вернулся. Тогда Гриша сказал, что сам разберется. А у меня как раз зазвонил телефон, и я вышла в сад, чтобы спокойно поболтать... Стояла у забора и, так получилось, слышала все, что Григорий наговорил этому старику.

Кристина посмотрела прямо на Илюшина.

– Это было очень страшно, – с силой выделяя каждое слово, сказала она.

Сергей Бабкин наконец-то увидел, что ей действительно страшно. Перед ними сидела напуганная девочка, надеявшаяся, что кто-нибудь из взрослых ей поможет. Сергей понял, отчего проницательная Бережкова отправила ее к ним.

– Значит, это было очень страшно, – кивнув, медленно повторил Макар с той же интонацией. – Вы можете воспроизвести то, что слышали?

Ее передернуло.

– Я не могу! Нет! Он крыл его матом... Но это была такая грязная ругань! Я даже не поверила сначала, что это наш Гриша, а потом приподнялась на цыпочки и увидела над забором, что он пинками гонит этого несчастного бомжа... А тот – ну, старичок неопрятный, понимаете? Может, пьяный, может, больной... А его как собаку, нет, хуже, как уроды какого-то... – Она перевела дыхание. – Я потом несколько часов не могла прийти в себя. Гриша словно взбесился...

– Может, они с этим стариком встречались раньше? –

предположил Макар.

Кристина покачала головой.

– По-моему, он его первый раз в жизни видел. И обращение у него было обезличенное. Как будто он не человека прогонял, а гниду заразную. Кстати, так он его тоже называл. Гнидой. Но я не потому, что старика было жалко, хотя жалко, он так голову руками закрывал, съеживался, будто привык, что его часто бьют... – Кристина сбилась, помолчала, собираясь с мыслями. – Из Григория вылез какой-то другой человек. Не тот, который ухаживал за моей сестрой и резался с нашим отцом в преферанс. Вообще другой. Снял предыдущего, как шкуру, и побыл самим собой, пока думал, что его никто не видит. Я теперь боюсь за Варвару. Она влюблена в него по уши, они уже планируют свадьбу и выбирают имена для детей! Не могу отделаться от чувства, что он просто играет роль счастливого жениха, а на самом деле ему нужно что-то другое... Не знаю!

Она провела рукой по лбу.

– Ваша сестра – выгодная партия? – спросил Макар.

Кристина растерялась.

– М-м-м... Вроде бы нет. Она у нас медсестра. Родители были против ее выбора... Но медсестра она отличная! – В голосе Кристины зазвучала гордость. – Правда, в нашей стране такая работа – это просто, ну, что-то типа хобби. Денег-то совсем мало.

– Если это хобби, на что она живет?

– Бабушка подкидывает и папа с мамой, – удивленно сказала Кристина как о само собой разумеющемся. – В общем, я хочу, чтобы вы пробили этого Богуна по своим базам и сказали, кто он такой на самом деле. Я бы вас сразу попросила, без всей этой драматичной предыстории. Но Бережкова предупредила, что вам нужно все рассказать, без этого вы не согласитесь.

Бабкин вопросительно взглянул на Макара. В общем-то, они и теперь не должны были соглашаться. Проверка фигурантов – не их профиль. Этим может заняться любое рядовое сыскное агентство.

Кристина, словно почувствовав его сомнения, быстро достала из сумочки свернутый лист.

Это оказалась копия разворота паспорта. С фотографии на них смотрел темноволосый скуластый парень. Заурядное лицо. Никакой печати порока, если не считать прилипшей ко лбу реденькой челки, похожей на штрихкод. Сергей считал эти челочки преступлением против душевного здоровья человечества. Но, кроме челочки, предъявить объекту с фотографии было нечего.

– Я хочу, чтобы вы его проверили, – повторила Кристина, обретая прежнюю уверенность. – Он что-то скрывает от нас. Если я просто перескажу сестре случай с бомжом, это ничего не изменит. А вот если он злостный неплательщик алиментов и у него пятеро детей в Воронеже, это кое-что будет значить! Я не могу пойти к первым попавшимся частным

детективам, — опередила она возражение Илюшина. — Варь-ка такая дура, знаете! Она поверит только лучшим. — Бабкин мысленно хохотнул. — Вы — лучшие. Анна Сергеевна так сказала, а она никогда не ошибается.

В конце концов они согласились. Вернее, согласился Бабкин.

— Слушай, пробить мужика по базе — плевое дело, — говорил он Макару, загружая компьютер. Клиентка ушла, оставив им фотографию с копией паспорта Григория Богуна и миллион благодарностей авансом. — Даже как-то деньги неловко за это брать. Тем более, ее к нам отправила Бережкова...

— Оправдываемся! — насмешливо констатировал Илюшин. — Аргументы подыскиваем! Нет бы честно признался: хорошенькая девица заставила тебя изменить своим принципам. Не ты первый, не ты последний стареющий мужчина, поддавшийся на мольбы юной блондинки.

— От стареющего слышу, — огрызнулся Бабкин.

Макар расхохотался.

— Даже интересно, что ты накопишь на этого типа с выраженными матримониальными намерениями и наследственной вспыльчивостью.

— Почему наследственной?

Илюшин пожал плечами:

— Темперамент и тип нервной системы передаются по на-

следству. Мои дети будут холериками с чрезвычайно высокой работоспособностью, быстрой реакцией и великолепными адаптивными качествами.

– Упаси нас господь от твоих детей! – перекрестился Бабкин.

Сведения о биографии Григория Богунa пришли быстрее, чем он ожидал. Сергей поговорил по телефону со своим давним знакомым, таким же бывшим оперативником, как и он сам, и спустился из квартиры Макара, служившей им офисом, вниз, в китайское кафе. Илюшин восседал среди подушек на своем любимом месте у окна. «Странно, что ему еще не разрешили обедать на подоконнике».

– О, ты вовремя, – обрадовался Макар. – У них сегодня великолепный... – Затем последовало нечто, с точки зрения Бабкина, больше всего напоминавшее попытку кота спросить, который час.

– Прекрати мяукать. Тебя подберут и кастрируют. Хотя... Знаешь, мяукай!

– Что-то ты не в духе!

– У нас есть полная информация по Богуну.

– И что? Расчленитель? Педофил? Не томи, Сережа.

Бабкин опустился на длинную скамью, поерзал, устраиваясь поудобнее, и расправил ладонью на столе смятый лист.

– Григорий Павлович Богун, – негромко зачитал он. – Родился в селе Зеленец под Сыктывкаром в тысяча девятьсот

восемьдесят шестом. Мать умерла в две тысячи пятом.

– Сирота, значит, – вставил Макар. – Какое облегчение для будущей жены.

– Не оstri! Окончил автомеханический техникум в Сыктывкаре, некоторое время работал там же по специальности, автомехаником. В две тысячи шестом, после смерти матери, переехал в Казань. Устроился водителем-экспедитором в небольшую фирму. И с тех пор исправно крутил баранку, колесил по просторам нашей родины и сопредельных государств, пока два года назад не перебрался в Москву. Из фирмы, где трудился, уволился три месяца назад. С тех пор не работает.

Бабкин замолчал.

– Это все? – удивился Макар. – А где внебрачные дети? Где жены?

– Ничего нет. Григорий Богун чист, как слеза младенца. Он действительно честный работяга, каким и представился семейству Харламовых.

– Какая пошлость, – пробормотал Илюшин. – Быть тем, кем кажешься! Никакого воображения у людей. Но для нас это хорошее известие. Поздравляю с выполненным заданием! – Он поймал официантку. – Девушка, принесите мне, пожалуйста, маньтоу.

Бабкин некоторое время задумчиво наблюдал, как напарник расправляется с булочкой.

– Есть такая мысль... – протянул он наконец. – Съездить

и посмотреть своими глазами на этого Богуна.

– Одобряю, – согласился Макар.

– Неужели?

– Зная твою добросовестность, я не сомневался, что ты это предложишь. К тому же сейчас нет никаких срочных дел. Если Харламова согласится, благословляю тебя, мой въедливый друг!

– Лучше бы, конечно, со мной поехал твой босс, – сказала Кристина и посигналила таксисту, сунувшемуся наперерез ее красной «Мазде». – Но все равно круто, что ты познакомишься с Богуном! У тебя всякие психологические приемчики есть, да? Как расколоть подозреваемого. НЛП, всякое такое? Отец как-то говорил, что в школах КГБ этому учат. Ты бывший кагэбист? Ну расскажи, не будь злокой!

Бабкин покосился на девушку. Он вызвался познакомиться с Богуном из одной только профессиональной дотошности. Но пока они ехали к ее родителям, он успел пожалеть о своем решении.

«Двадцать шесть лет, – думал он, – ей всего двадцать шесть. Не такая уж гигантская между нами разница в возрасте. А она даже не понимает, кто такой кагэбист и почему я – не он».

Но что хуже всего, Кристина не замолкала всю дорогу, пытаясь вовлечь его в разговор об Илюшине. Ее интересовало, женат ли он, при каких обстоятельствах они с Сергеем

познакомились, сколько ему лет («Ха-ха!» – мысленно ото-звался Бабкин), зачем у него кресло – желтое, есть ли у него профиль в Инстаграме, какие бары он любит, куда ездит отды-хаться, имеется ли у него девушка...

И Кристина взглянула на Сергея, словно подозревала, будто он – его девушка.

От этих невысказанных инсинуаций Бабкин окончательно помрачнел.

– Извини, мне нужно жене написать, – сказал он и уста-вился в телефон.

Цыган накануне сожрал на улице какую-то резиновую дрянь, кажется, ошметок детского мяча, и Маша всю ночь возилась с ним, отпаивая касторовым маслом. К утру за псом на полу оставались жирные блестящие лужицы, но мяч дер-жался крепко.

На некоторое время Кристина замолчала.

– Давай выложим нашу общую фотку в инсту, – ска-зала она наконец. Бабкин озадаченно уставился на нее. – Ну, в Инстаграм. Иначе никто не поверит, что ты мой бой-френд. – Она бросила на него быстрый взгляд и расхохота-лась: – Да шучу я, шучу! Никаких фоток. Что я, совсем, что ли, без понимания, по-твоему?

Когда они с Илюшиным рассказали ей, что в биографии Богуна не нашлось ничего порочащего, Кристина покачала головой:

– Нет, здесь что-то не так. Не думайте, я вам верю... Просто не знаю, что теперь делать. Ему нельзя жениться на Варваре. Он законченный псих, который очень хорошо притворяется. Нужно было записать его нападение на старика, а я сглупила!

– Вы можете сами рассказать сестре об этом эпизоде, – заметил Макар. – Вряд ли Варвара потребует видеозапись в доказательство, правда же?

Кристина помедлила. Странная усмешка скользнула по ее губам – усмешка, сразу сделавшая ее взрослой.

– Вряд ли, – согласилась она, отведя взгляд.

У Илюшина блеснули глаза. Откинувшись на спинку кресла, он помолчал и уронил:

– Занятно.

Сергей насторожился. Илюшинское «занятно» обычно означало, что он поймал собеседника на вранье.

– Рассказывайте, – приказал Макар. Вся приветливость враз слетела с него.

Кристина растерялась:

– Что рассказывать?

– То, о чем вы умолчали при первой встрече. Вы явно о чем-то умолчали.

Кристина сделала удивленное лицо, и даже Бабкину стало ясно, что это притворство.

– Нет? Что ж, дело ваше. Мой напарник передаст вам биографию вашего будущего родственника.

Макар поднялся, обозначая конец аудиенции.

У Кристины вытянулось лицо. Бабкин ей слегка посочувствовал. Бедолаги, ощутившие на себе безразличие Илюшина, напоминали ему вышвырнутых из приюта бродяг. Только что ты сидел у камина, жар огня согревал тебя; буря, завывавшая за окнами, не страшила, а лишь придавала остроты наслаждению от уюта, сытости и тепла. Что Макару удалось гениально, так это создавать иллюзию безопасности. Его невероятное обаяние, помноженное на видимость участия, расслабляло. Позволяло поверить, что все будет хорошо.

И вдруг в одну секунду все заканчивалось. Ледяные струи дождя хлестали продрогшего отщепенца. Дверь захлопывалась, и открыть ее снаружи было не проще, чем разжать челюсти киту.

«А этот хмырь даже не понимает, насколько он с ними жесток», – подумал Сергей.

– Ну пожалуйста... – умоляюще начала Кристина.

Илюшин пожал плечами:

– Ты просишь меня, но ты просишь без уважения. Уважение проявляется в искренности. Я не работаю с теми, кто мне врет.

– Мне просто было стыдно!

Илюшин не спешил садиться. Он на дух не переносил лгущих клиентов. Бабкин за годы совместной работы так и не смог понять, чем была вызвана эта идиосинкразия. Сам он

полагал, что они не исповедники, чтобы требовать полной правды, а вранье и стремление обелить себя – в природе человеческой, так что можно отнестись к нему снисходительнее.

– Я дважды отбивала у Варвары женихов! – выпалила де-вушка.

Сергей едва не присвистнул.

– Отбивали женихов? – повторил Макар, вскинув брови.

– Не нарочно! То есть нет, конечно, нарочно... – Кристина уронила руки на колени. – Я вообще не знаю, как об этом говорить. Вы же мне не психотерапевты!

– О нет. Мы значительно дороже, – заверил Илюшин.

За окном мелькали рекламные щиты и перелески. Кристина, поняв, что ничего не добьется от своего спутника, надулась и замолчала.

«Отбить у неудачливой старшей сестры двух женихов, – думал Бабкин. – Просто так, без всякой цели. Зачем? Что за характер такой?»

– Мне просто хотелось повеселиться, – сказала накануне Кристина, пытаясь им все объяснить. – Варька была напыщенная, как индюк, а ее парни – такие дураки! Слушайте, мне было всего восемнадцать! Ладно, двадцать! Она меня до сих пор не простила, между прочим, хотя уже шесть лет прошло. Какой дебил будет спать с младшей сестрой невесты? Варька должна быть мне благодарна! Я избавила ее от

отбросов.

Напрашивался вывод: девочка повзрослела, игры у нее усложнились. Теперь в качестве реквизита ей потребовались частные сыщики.

Но когда Илюшин это предположил, Кристина вцепилась в подлокотники.

– Неправда! Я так и думала, что вы это вообразите. Поэтому ничего не стала говорить. Понимаете вы или нет, что я сама себя загнала в ловушку? Варвара не поверит ни одному моему слову о своем драгоценном Гришеньке. А мне начхать на него! Я о ней забочусь!

«Если она говорит правду, ей и впрямь не позавидуешь», – подумал Сергей.

– Да, я паршиво обошлась с собственной сестрой, – ожесточенно продолжала Кристина. – Но я ее люблю, хоть она и дура!

– А те двое и впрямь были отбросами? – не удержался Бабкин.

И заслужил снисходительный взгляд.

– Без понятия, – небрежно сказала Кристина. – Мне, если честно, по барабану. Я просто развлекалась.

– Синдром младшего ребенка в большой семье, – сказал после Илюшин. – Капризное дитя. В меру безмозглое, в меру черствое.

– Если это мера, что ж тогда перебор? – фыркнул Бабкин.

- Как бы там ни было, когда она увидела реальную опасность, обратилась за помощью.
- Реальную? Ой ли!
- Вот на месте и разберешься.

Бабкин не ждал радушного приема. Кристина высказалась без обиняков, что лучше бы поехал Макар: он и по возрасту больше подходит, и вообще... Сергей это замечание проигнорировал. Он делал свою работу, а как клиентка разберется со своими родными, его не касалось.

Когда они подъехали к дому, пискнул телефон. «Ура, мячик вышел!» – написала Маша. Бабкин мысленно вознес хвалу небесам. Прожорливый пес занимал его мысли не меньше предстоящего внедрения в семейство Харламовых.

– Надеюсь, родители меня не убьют, когда увидят тебя, – сказала Кристина. – Пожалуйста, сделай влюбленное лицо!

Она толкнула калитку и побежала к дому, где на веранде толпились люди.

– Мама, папа! Познакомьтесь: это мой Сережа!

«Мама, моя Надя приехала», – передразнил про себя Бабкин. Он постарался изобразить влюбленную улыбку, но пятеро на веранде отчего-то не спешили улыбнуться в ответ.

Богуна Сергей заметил первым. Тот в стороне, под деревьями, чистил мангал. Бабкин сразу отвел взгляд: его внимание, согласно роли, должно быть поглощено родителями

подружки.

Кто тут у нас? Ну, монументальная дама в пестром платье-халатике, лопающемся на груди, как дырявый пакет на арбузе, – Ульяна Степановна. Плешивый мужик с опухшими глазками и пузом, похожим на мешок с песком, – Виктор Петрович, ее супруг. Щеки надул. Сейчас начнет играть в главтигра. Широкоплечий лохматый парень – Илья, средний отпрыск Харламовых. Сходство с сестрой бросается в глаза: светлые волосы, прямые брови, голубая радужка, яркая, как у галки.

С веранды, облокотившись на перила, за ними наблюдала высокая женщина в джинсах и серой футболке. Густая рваная челка, черная, блестящая, с левой стороны заканчивающаяся над бровью, справа опускающаяся на глаз, выглядывающий из-за прядей, как речная птица из высокой травы. Бледные губы; длинные музыкальные пальцы. На правой руке рядом с обручальным кольцом – перстень с непрозрачным темно-зеленым камнем. Про нее Кристина не упоминала. Сергей решил, что это случайная гостья. Фрагмент пазла, попавший сюда из другой коробки.

Богун подошел сам. Обстоятельно представился. Нанизывал каждое слово, точно ребенок – цветные колечки на пирамидку, и увенчал его основательным: «водитель-экспедитор». Он выглядел моложе и симпатичнее, чем на паспортном снимке. Своего налобного штрихкода, Григорий, по счастью, где-то лишился. Он был в резиновых перчатках и ста-

шил правую, прежде чем протянуть ему руку. На тыльной стороне пальцев Бабкин заметил мелкие частые шрамы.

Варвару Сергей успел представить косолапой тетехой с мышинным пучком на затылке и был удивлен, когда на него накинута довольно вульгарная долговязая девица с тонкими губами и розовыми волосами. Была она вся острая, длинная, ломкая, а обряжена в какие-то оборочки и рюши.

Спустя некоторое время оказалось, что он пропустил еще одного участника воскресного обеда. Сверху к нему обратилась хрупкая старушка с седой косой, скульптурно уложенной вокруг головы. Старушка куталась в павловопосадский платок, расписанный цветами, и выглядела в нем как пожилая итальянская синьора, с удовольствием играющая в *русски народны сувениры*: матрешка уже лежит в чемодане, водка будет куплена в дьюти-фри.

– Это тетушка наша, – объяснила позже Кристина. – Вернее, папина. Сестра его мамы.

Тетя Люся скрасила Бабкину унылый обед. Он отвык от подобных сборищ и вообще не очень понимал, зачем они требуются. Сам он лучше повалялся бы на диване и посмотрел последний «Форсаж». Умных или просто интересных разговоров здесь не велось. Если кто и шутил, так только глава семьи, и юмор этот, по мнению Бабкина, отдавал казармой. Он не мог отделаться от ощущения, что в воздухе разлито напряжение. Может быть, источником его была молчаливая женщина с бледными губами? Сергей подумал об этом

вскользь. Ему не было никакого дела до сложных взаимоотношений членов семейства Харламовых.

Он наблюдал за Богом. Делал то, что предписано. Выполнял свою работу – вернее, пытался выполнять.

И чем упорнее пытался, тем явственнее понимал, что застрял здесь надолго.

Сергей открыл дверь своим ключом, зажег свет. Прибывшего Цыгана ласково потрепал по голове.

Пес не поскуливал приветственно, а только пытался сунуть седую морду ему под мышку.

– Спит хозяйка, да? – спросил Бабкин. – Ты поэтому такой молчаливый, пожиратель подметок и мячиков?

Пожиратель завилял хвостом.

Маша и в самом деле спала, укрывшись лоскутным одеялом. «Опять в ночное пойдет», – подумал Бабкин. На жену обрушился огромный проект, и теперь по ночам она бодрствовала, утверждая, что это самое плодотворное время для работы.

– Машка, – виновато позвал Сергей, сев на край постели. – Я твоих панду и лягушонка подарил детям.

Маша посопела под одеялом.

– Что за дети? – сонно пробормотала она.

– Девчонка и пацан. Одному шесть, другой, кажется, девять. Брат с сестрой. Пацаненок до смешного обстоятельный. Рассказал мне, что уши и ноздри у крокодилов закры-

ваются клапанами.

– А у меня вот не закрываются. – Маша повернулась, протирая глаза. – А жаль! Зачем ты меня разбудил...

– Девять часов, между прочим.

– Да-а? Ой, черт! Тогда хорошо, что разбудил.

Пока она умывалась, Бабкин сидел в кухне, задумчиво глядя в телефон. По пути домой он трижды звонил Илюшину, однако тот не отвечал. Как не вовремя пропал Макар...

Маша обняла его сзади. Пушистые волосы щекотали ему шею.

– Как твой день прошел?

– Илюшину не могу дозвониться, – сказал Бабкин, думая о своем.

– Что-то срочное?

– Не могу понять, срочное или нет... Нет, все-таки нет. Просто странное.

Маша села напротив, взгляделась в него.

– Ты голодный?

– Нет, кормили как на убой.

– Может, мне расскажешь, что случилось?

– Формально ничего... – начал Сергей.

И тут зазвонил телефон.

– Макар! – с плохо скрываемым облегчением сказал Бабкин в трубку. – Где тебя носит?

– Ты там, часом, не раздет? – осведомился Илюшин. – Я у вашего подъезда, собираюсь подняться к вам.

– Заходи!

Макар возник на пороге минуту спустя. Обнялся с Машей, вручил ей букет ромашек, легкомысленно сообщив, что нарвал на школьной клумбе, – врун! – и потрепал по холке Цыгана.

– Утвердился ты в этой квартире, да, деревенщина?

«От деревенщины слышу», – молча оскорбился Цыган и ушел к Маше в ноги, тяжело вздыхать и страдальчески сопеть, как умеет делать только очень довольная жизнью собака, живущая в тепле и неге.

– Честно говоря, не думал, что он привыкнет к городской жизни. – Илюшин кивнул на пса. – А как же свобода? Леса, поля, дикие пастбища?

– Продал за гарантированную миску похлебки, – буркнул Сергей.

– Неправда, – вступилась Маша за Цыгана. – Просто ему в старости захотелось покоя.

– Мне тоже в старости хотелось покоя! – вскинулся Бабкин. – А что вместо этого? Собачья побудка в шесть утра.

– В девять!

Цыган лениво зевнул. Сергей усмехнулся: пес ему нравился, а главное, нравилось, что жена довольна. Они с Цыганом часами исхаживали окрестные улицы и парки, осваивали новые маршруты.

– Серега, расскажи о твоей поездке, – попросил Илюшин,

устроившись с ногами на табуретке.

– С чего бы начать... Ладно, перейду сразу к выводу. Наш фигурант – сиделец.

Макар поднял брови. Маша удивленно посмотрела сначала на него, затем на мужа:

– Сиделец – то есть отбывал срок в тюрьме?

– Ага. И, я бы сказал, немаленький.

– Невозможно, – покачал головой Макар.

– Сам знаю, – огрызнулся Бабкин. – Но вот как-то оно так.

– Ты лично им занимался!

– Занимался. И ошибка исключена. Но пойми, я четыре часа наблюдал за этим типом! Он бывший зэк.

– Ты лично им занимался, – повторил Илюшин.

– Подождите-подождите, – запротестовала Маша. – Объясните мне, о чем речь! Почему невозможно, чтобы человек сидел в тюрьме?

Бабкин встал, налил себе воды и вернулся за стол.

– Я поехал к Харламовым для проформы. Старшая дочь выходит замуж, ее младшую сестру жених кое-чем насторожил.

– Она заподозрила, что он не тот, кем представляется, – вставил Илюшин.

– Биография у него прямая, как палка. Родился, учился, работал, переехал в Москву, снова работал. Ни бывших жен, ни приводов!

– В этом, кажется, нет ничего удивительного, – осторожно

сказала Маша.

– Абсолютно. Поэтому я и сказал, что поехал для проформы. Жених – обычный парень из-под Сыктывкара, всю жизнь крутил баранку, перевозил грузы. Наверное, со своими тараканами. Вспыльчивый. Бомжей недолюбливает. Я же не врач, чтобы понаблюдать и составить психологический профиль!

– Может, ему такой же бомж под колеса бросился в темноте? – предположил Макар. – Нанес тяжелую травму его душе!

– Но ты все-таки поехал, – сказала Маша.

– Для проформы, – в третий раз упрямо повторил Бабкин.

– Хорошо, я поняла. И что ты увидел? Ты сказал – «странное»...

Сергей сосредоточился. Маша с Макаром молча ждали.

– Первое, – начал он. – У этого парня повадки человека, который много лет провел в тюрьме. Маша, поверь, это невозможно спрятать! Он, конечно, прикидывается, и у него получается. Но произвольные реакции его выдают.

– Например? – быстро спросил Илюшин.

– У соседей что-то хлопнуло, и Богун втянул голову в плечи. Причем он не дурак и быстро исправляется. Но этот первый секундный испуг – он заметен. Резкие звуки, громкий оклик – он прячется, как черепаха.

– Ты не допускаешь, что он трусоват? – спросила Маша.

– Это еще не все! У Богунa характерный взгляд, который

проявляется, когда он думает, что его никто не видит. Он все время держит лицо, но иногда расслабляется. У меня глаз наметанный. Я после часа общения был уверен, что он отбыл срок, а через три знал это наверняка. На пальцах у него мелкие шрамы, которые он объяснил давней аварией, но наверняка это сведенные татуировки.

Макар побарабанил по столу, и Цыган недовольно взглянул на него снизу вверх.

– Давай проверим его отпечатки по базе, – решил он.

– Я не смог снять у него отпечатки.

– В смысле? – изумился Илюшин.

– Я. Не смог. Снять. У него. Отпечатки, – отдельно повторил Сергей. – Это второй пункт в разделе «странности». Богун – первый человек в моей практике, с которым ничего не получилось. Он не оставляет отпечатков.

– Людей, у которых на подушечках пальцев нет папиллярного рисунка, два десятка на все человечество, – назидательно сообщил Макар. – Вероятность, что тебе встретился именно один из этих двадцати, исчезающе мала!

– А я и не говорил, что их у него нет.

– Ты сказал, он не оставляет отпечатков!

– Он их смазывает.

«Чем смазывает – маслом?» – чуть было не спросила Маша. Но, взглянув на Илюшина, осеклась.

Макар был озадачен. Он явно понял, что имел в виду Сергей, и это не укладывалось у него в голове.

– Вообще все смазывает?

Бабкин пожал плечами:

– Я не смог найти ни одного пригодного. Бокалы, тарелка, книга, бутылка из-под минералки, край стола, телефон... Дальше перечислять? Я изворачивался как мог. Отпечатки размазаны! Стерты. Я понаблюдал и убедился: у Богуна это отработанное движение. Он делает вот так... – Сергей несколько раз с усилием провел пальцами по столешнице, словно пытался почесать об нее подушечки.

Илюшин помолчал.

– М-да, – сказал он. – Впечатляет.

– Именно это я тебе и твержу всю дорогу. А ты мне: рисунок, рисунок! Есть у Богуна рисунок. Но попробуй его определи!

Бабкин был чрезвычайно мрачен. Маша чувствовала, что от нее что-то ускользает, и сделала еще одну попытку:

– Сережа, хорошо, пусть ты прав и этот ваш Богун сидел. Но разве ты не сталкивался прежде с тем, что человек, вышедший из тюрьмы, пытается это скрыть? Это вполне естественное желание. Тем более, он собирается жениться...

Макар сочувственно похлопал Машу по руке. Сергей покачал головой:

– Ты не понимаешь. Богуна тщательно проверили. Поверь, мы хорошо сделали свою работу. Так вот: невозможно отсидеть в тюрьме и не попасть в базу. Этого не бывает.

– Но исключения...

– Никаких исключений. Как только человек столкнулся с нашей пенитенциарной системой, информация о нем остается в ней навечно. Разнообразные фантастические варианты типа «подкупили суперхакера, чтобы он стер личность из базы» годятся только для фильмов. Вот в чем загвоздка с нашим объектом! Мы по паспорту видим несудимого Богуну, а своими глазами – не просто судимого, но еще и подтирающего отпечатки. Он знает, что делает, уж поверь.

– Может, он догадался, кто ты такой? – вслух подумал Илюшин. – У него тоже глаз может быть наметан.

– Может. Но что это меняет?

Макар согласился, что ничего.

– Итак, мы не понимаем, с чем имеем дело, – подытожил он. – Либо Богун не Богун, и тогда непонятно, кто он в действительности. Либо Богун – Богун, и тогда непонятно, что он проделал с системой. Я бы, в отличие от тебя, не сбрасывал со счетов какие-нибудь неоднозначные варианты.

– Например? – поинтересовался Бабкин.

Илюшин признал, что не может прямо сейчас привести подходящего примера. Он пощелкал пальцами:

– Серега, а кто у нас отец счастливой невесты?

– Бывший таможенник, ныне пенсионер. Совершенно заурядный болван. Шпиону среди Харламовых не разбежаться, уж поверь! На людей, у которых есть допуск к гостайне, они похожи не больше, чем свинья на фламинго.

Илюшин взъерошил волосы.

– Семейство богатое? Может, казачок у нас засланный?

– Я тоже сначала предположил, что он собирается вывести код от сейфа и улизнуть с бриллиантами мамыши, – кивнул Сергей. – На первый взгляд у них нет ни сейфа, ни бриллиантов: ничего, ради чего стоило бы затевать операцию длиной в полгода и втираться в доверие. Харламовы определенно не бедствуют. Квартира в Москве, машина, хороший дом... Но дом не украдешь. Черт! Мы не только не понимаем, кто такой Богун, но даже не знаем, чистосердечно он подъезжает к Варваре или это часть какого-то плана!

Маша, наконец, в полной мере оценила ловушку, в которой оказался ее муж.

Для Бабкина немыслимо было бросить расследование на половине пути. Кристина обратилась к ним, предполагая, что дело уложится в один этап. В этом были уверены и сами сыщики. Вместо этого они оказались перед новой загадкой, куда более сложной, чем первоначальная.

– Расследование вам оплатят? – неуверенно спросила Маша.

Макар усмехнулся.

– Ох, сомневаюсь!

– А я не сомневаюсь ни секунды, – мрачно возразил Бабкин. – Нет у девчонки таких денег.

За окном сгустились сумерки. Макар встал, включил свет.

– Все это, конечно, чрезвычайно занимательно, – начал он, – но нас наняли для одной-единственной цели: прове-

рить Григория Богуна по базе. Причем, хочу заметить, что мы взялись за это тривиальное задание лишь из уважения к Бережковой. Выполнили мы то, что от нас требовалось? Выполнили. Всем спасибо, все свободны!

Макар слегка поклонился, словно ожидал аплодисментов.

Бабкин угрюмо засопел.

– Вообще-то нас просили выяснить, кто такой Богун...

– Нас просили сделать то, что под силу любому частному детективу с мало-мальски приличными связями, – возразил Илюшин. – И от любого частного детектива Кристина Харламова вышла бы именно с той информацией, которую мы ей дали двое суток назад. «Не был, не замешан, не привлекался».

– Но мы-то пошли дальше! А ты предлагаешь отмахнуться от моих выводов, словно ничего не было.

– Я предлагаю отмахнуться от твоих выводов, словно нам за их подтверждение не платят, – вкрадчиво поправил Макар. – Или ты хочешь вести расследование без заказчика? За собственный счет?

Сергей помялся.

– Ну... у нас ведь все равно сейчас затишье.

Илюшин откинулся на спинку стула и насмешливо скрестил руки на груди.

– И в чем же причина такого рвения? – осведомился он. – Ты попал в сюжетный архетип *Damsel in Distress*? Или пионеры нашли тайник в голове бронзовой птицы и не могут

остановиться, пока не отыщут клад?

– Ты бредишь? Маша, он бредит!

– Работа подразумевает оплату, – отрезал Макар. – Ты собираешься ввязаться в расследование с непредсказуемым ходом только потому, что тебя поманила загадка Богуна. Сколько времени оно займет? Как много ресурсов потребует? Ты начнешь вести это дело, а завтра у нас появится клиент – и что тогда?

– Тогда я все брошу, – мгновенно отреагировал Бабкин. – Слушай, ты прав! Но я могу для очистки совести доехать до фирмы, в которой работал Богун, и расспросить тех, кто его знал! От силы пара часов и ни рубля казенных денег. Согласен?

Макар размышлял, взвешивая «за» и «против». Последнее слово всегда оставалось за ним. Если бы не чувство вины перед Бережковой, он отправил бы девушку Харламову восвояси, едва она изложила, с чем пришла. Однако он всегда отдавал должное напористости Сергея и той дотошности, которая делала из него хорошего детектива.

– ...и коллеги Богуна сдадут тебя ему с потрохами. Экспедитор экспедитору глаз не выключет. Как ты будешь объяснять свой интерес?

Бабкин обрадовался, поняв, что Илюшин уже согласился.

– Навожу справки о женихе по просьбе родственников. Люди слегка обеспокоены скоропалительной свадьбой. Согласись, имеют право!

Макар подавил ухмылку, но Маша успела заметить ее и от души расхохоталась. Когда-то она предложила Сергею жениться меньше чем через месяц после знакомства. А свадьбу сыграли еще тридцать дней спустя – веселую, неформальную, в узкой компании друзей. По сравнению с ними Богун и Варвара – образец выдержки.

– Макар только что кинул камень в наш с тобой огород, – сообщила она мужу, смеясь.

– Пусти козла, он и камней накидает!

– Я твою фату нес на свадьбе, между прочим! – возмутился Илюшин, ткнув пальцем в Бабкина.

– Ну, погнал ахинею, – беззлобно фыркнул тот. – Нужно написать Харламовой, согласовать с ней дальнейшие действия. Может, она откажется, и тогда вообще не придется никуда ехать.

Глава 3

Татьянин день

Утром позвонил Ковальчук.

– Департамент не утвердил «Цех», – кратко сообщил он.

Я не удержалась и выругалась. Илья оторвал взлохмаченную голову от подушки, вопросительно уставился на меня, я в ответ махнула рукой: все в порядке, разберусь.

– И что они нам теперь предлагают? – спросила я, понизив голос.

– Предлагают ориентироваться на тридцать девятую статью Градостроительного кодекса.

Я слышала, как Ковальчук нервно щелкает зажигалкой. Представила, как стоит он возле окна на втором этаже нашего архитектурного бюро, закуривает, выпускает дым в форточку и печально рассматривает желтеющие клены. К лысине его от огорчения прилипли три волосинки, словно травинки к кургану.

Мне немедленно стало Ковальчука очень жалко. Хотя я бы охотно поменялась с ним местами. Пусть он проводит выходные у родственников, а я буду работать! Но Ковальчуку, живущему вдвоем со старенькой обожаемой мамой и волнистым попугайчиком, невозможно объяснить, что именно мне не нравится. Главное его заблуждение заключается в том, что

он уверен: меня невозможно не любить. Я ведь прекрасная мать! Идеальная жена! Определенно, я что-то напридумывала себе насчет родителей мужа; он слышал, противостояние свекровей и невесток довольно распространено.

Он слышал! Боже мой, какая прелесть. В некоторых вопросах шеф простодушен, как котенок.

Но именно к нему я помчалась пять с половиной лет назад, после истории с морковным соком. Не исключено, что если бы не Назар Ковальчук, меня бы здесь сейчас не было.

Но об этом думать нельзя.

У меня есть чулан для запретных мыслей. Я загоняю их туда, словно непослушных детей, но временами слышу их приглушенный смех из-за закрытой двери.

Ковальчук считает, что моему хладнокровию можно позавидовать. Все потому, что до него не доносится безжалостное детское хихиканье.

– Что будем делать, Танечка? – прерывает мои размышления Ковальчук.

– Что еще они сказали? Как объяснили свой отказ?

– «Мы обязаны следовать букве закона, – процитировал Ковальчук. – Иначе прокуратура будет искать коррупционную составляющую».

– Может, они таким образом намекают на эту самую коррупционную составляющую? Бакшиш хотят, а, Назар Григорич?

В трубке хлопнули форточкой.

– Ох, Таня, я уже ничего не знаю, – раздраженно сказал Ковальчук и прокашлялся. – По-моему, нет. По-моему, они просто глупые курицы, сами не читавшие собственную законодательную базу и опасющиеся, как бы чего не вышло. Но нам-то что с этим делать? В понедельник будет звонить Романиди. А я опять переношу согласование, причем на неопределенный срок. Он мне что-нибудь выключает.

Наш инвестор действительно похож на орла. Он носат, напорист и темпераментен.

– Романиди я возьму на себя, – подумав, решила я. – Назар, надо идти к главному архитектору. Полгорода в такой же ситуации, как мы, это не уникальная история, ей-богу, должен быть выход.

Ковальчук издал вздох облегчения. Грозный призрак Романиди, хлопая крыльями, заклекотал, сорвался с ближайшего столба и скрылся в горах. Заказчики-мужчины отчего-то мне благоволят. Во всяком случае, таких скандалов, как Назару, никто не осмеливается устраивать.

Как-то до меня совершенно случайно донеслось, что в нашем профессиональном кругу я пользуюсь репутацией железной леди. Многие рады сотрудничать с нашим бюро. А добиться, чтобы над проектом работала именно я, а не Козырев, считается большой удачей. Хотя это, конечно, преувеличение. Да, мы тщательно выбираем заказчиков, несмотря на кризис, но назвать себя выдающимся архитектором я никак не могу. Добросовестным – да. В меру способным. Лю-

бопытно, что Козырев намного талантливее меня. Но именно в наших работах проявляется разница в подходах к проектированию у мужчин-архитекторов и женщин.

– Ты с ним справишься, – заискивающе пробормотал Ковальчук. – Танечка, спасительница, буду тебя на руках носить, если ты утихомиришь нашего чудесного грузина...

– Он грек, Назар!

– Ой, не морочь мне голову! – уже обычным ворчливым тоном потребовал шеф. – Насчет главного архитектора пораскину мозгами. Отдыхай как следует!

Я положила трубку и тихо засмеялась. Отдыхай!

– Опять тебя начальство дергает, бедная моя...

Илья подошел сзади, поцеловал меня в затылок.

– Самое обидное, что этому зданию двадцать пять лет. – Я прислонилась к мужу и закрыла глаза. Он обнял меня, понимающе угукнул в ухо. – Двадцать пять лет оно стоит на этой площади! Четверть века расстояние до красной линии почему-то никого не беспокоило. А как только появился инвестор, градостроительный департамент вдруг разволновался.

– Может, они взятку выпрашивают? – Илья ласково прикусил мне ухо.

Я тихо засмеялась.

– Перестань, щекотно! Я то же самое слово в слово сказала Назару. Он не верит.

– Большой ребенок твой Назар. Дай им денег, они уймутся.

– Ну уж нет! – Я отстранилась и вывернула голову так, чтобы видеть лицо Ильи. – Ни за что! В воскресенье стогнаю в Нижний, в понедельник пойду к главному архитектору. Устрою там грандиозный скандал!

– В воскресенье у папы именины, – напомнил Илья. Именины. Как же я могла забыть.

– Не исключено, что свой праздник папе придется провести без меня, – сказала я чуть резче, чем следовало. – Надеюсь, он это переживет.

И почувствовала, как муж едва заметно отстранился.

– Но, конечно, можно перенести поездку и на понедельник, – отступила я, и Илья расслабился.

– Езжай тогда, когда надо, – пробубнил он мне в ухо. – Что, я здесь один не справлюсь, что ли?

– Ну, подумаю...

В голосе моем звучала нерешительность. Но на самом деле я уже точно знала, что воскресная поездка отменилась.

В правильности своего решения я убедилась за ужином.

В доме Харламовых никому не позволено есть по своему желанию. Иначе что же получится? Каждый будет питаться, когда захочет! Один – в пять вечера, другой – в шесть, а третий, страшно сказать, и вовсе к столу не подойдет. Так ведь и последние времена настанут!

Свекровь даже завела себе колокольчик, которым пользуется, чтобы собрать нас к застолью. Назвала его сонеткой.

Возможно, это одно из проявлений ее чувства юмора. Ульяна Степановна у нас большая шутница.

Следуя за визгливой трелью сонетки, мы собрались в столовой ровно в восемь. Только Люся не вышла к нам под предлогом плохого самочувствия. Когда я зашла к ней, старушка и впрямь выглядела усталой и бледной, но заверила, что помощь не требуется. «Спасибо, Танюша, я подремлю, и все пройдет».

Посреди стола – главное блюдо. О, жареные колбаски, возлежащие на пышном ковре картофельного пюре, точно наложницы султана!

– Я не буду, – отказалась Кристина. – Только салатик. Чуть-чуть.

– Что-о?

– Ма-ам, это жирное!

– Сама ты жирная, – это уже Варвара.

– Нет, и не собираюсь такой стать, – отрезала Кристина.

Бунт дозволен только ей. Она – младшенькая, любимая. Папино сокровище, мамина отрада!

Пока я накладывала детям пюре, за столом шел нейтральный разговор. Я немного отвлеклась, обдумывая рабочие проблемы. Обычно я, как солдат на вражеской территории, отслеживаю происходящее, чтобы в нужный момент, если потребуется, перевести огонь на себя. Но сегодня мои мысли витали далеко.

– ...на этот раз в каком-то пафосном рыбном ресторане, –

ворвался в мои мысли голос мужа. – Место с каждым разом все престижнее. Лет через десять, чувствую, выберут «Белугу».

– А что, там отличный вид! – заметила Варвара.

Они обсуждали встречу одноклассников Ильи. У них она проводится каждые пять лет.

– Что наденешь? – заинтересованно спросила Ульяна.

– Ничего не надену, мам, – засмеялся Илья. – Я, естественно, не пойду.

– Отчего же! – вскинулся Виктор Петрович. – Брезгуешь школьными товарищами?

– Да ну, брось, пап...

– Личность не должна обособлять себя от коллектива!

– Если бы я считал, что должна, я бы сейчас тут не сидел, – шутливо отозвался Илья.

– Не надо сравнивать! Это другое!

Кристина потребовала, чтобы ей передали морс, и предложила отцу не заводить. Варвара все твердила о прекрасном виде из окна ресторана «Белуга».

– А я согласна с Илюшей, – кротко сказала Ульяна. – Ему не следует ходить на эту встречу. Там соберутся солидные мужчины, которым есть чем гордиться. Илье будет среди них некомфортно.

Все, я опоздала. Прошляпила, балда, подступающую угрозу. Решила, что выходка Кристины не будет ничего нам стоить. Идиотка!

Наступила тишина, нарушаемая только чавканьем Харламова-старшего.

– Почему же мне будет среди них некомфортно, мама? – Илья нахмурился, отложил вилку.

Она пожала плечами:

– Мальчики всегда меряются достижениями. Уж я-то знаю!

«Илья, молчи!» – мысленно воззвала я. Но он непонимающе помотал головой, словно бычок, которого со всех сил ударили по лбу. В этот момент еще можно было перевести все в шутку. Но Илья проглотил наживку и теперь сам послушно брел на бойню.

– Ты хочешь сказать, у меня нет достижений, которыми я могу гордиться?

Он смотрел на мать с детским изумлением, и я взвыла про себя.

Ульяна Степановна не торопясь вспорола тугую шкурку колбаски. На картошку брызнул горячий прозрачный сок.

– Не то чтобы совсем нечем... – начала она таким тоном, что не оставалось пространства для сомнений: ее сын – неудачник, пустое место. – Нет, ты молодец, правда. Мы с папой очень тобой гордимся.

Последняя фраза окончательно ушла в минор.

Илья начал краснеть.

– Я не встречаюсь с одноклассниками, мама, потому что мне не о чем с ними разговаривать. Меня травили с шестого

класса по девятый, при полном попустительстве учителей. Мои, как выражается папа, товарищи – законченные говнюки...

– Илья!

– При детях!..

– ...и я ни секунды не верю, что они изменились за последние пятнадцать лет. Да и у меня была возможность в этом убедиться десять лет назад. Вот почему я не хожу на встречи, мама! А не потому, что стыжусь того, что я программист. Мне нечего стесняться.

– Ой-ой-ой, травили его... – пробормотал Виктор Петрович. – Из мухи слона...

– Из мухи слона? – взвился Илья. – Когда меня головой в унитаз макали, это был слон, по-твоему? Или муха?

Снова наступило молчание. Сестры сочувственно посматривали на Илью. Дети, синхронно отодвинув тарелки и пробормотав заученно «спасибо-бабушка-все-было-очень-вкусно», незаметно исчезли. Они умные львята: знают, когда нужно прятаться в саванне, а когда можно лежать на ветке, лениво качая лапой у всех на виду.

Илья перевел дух. Он полагал, что последнее слово осталось за ним. Что, вызвав к жизни эти ранящие воспоминания, упомянув о них вслух, он закрыл тему.

Бедный мой, любимый, бесконечно наивный муж!

Ульяна придвинула к себе солонку.

– В вашем классе было двадцать пять человек, – невозму-

тимо сказала она. — А макали только тебя.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего-ничего!

— Нет, серьезно! На что ты намекаешь? Что я был сам виноват?

— Ну, ты заикался...

— И это, по-твоему, повод?!

— *Ты не вписывался в коллектив...*

— Господи, мама!

— В самом деле, Илюша, вспомни: ты ни с кем не дружил, мы с папой вечно подыскивали тебе приятелей среди детей наших друзей, и даже они воротили от тебя нос.

— Как и я от них! Из принудительной дружбы никогда ничего хорошего не выходит! И что значит — «воротили нос»? — Он горячился все сильнее, не понимая, что приоткрытые ворота бойни неумолимо приближаются.

— Раз уж ты об этом заговорил: тебе стоило...

— Я заговорил?!

— ...научиться давать сдачи!

— Мама, ты когда-нибудь пыталась дать сдачи десяти здоровым парням?

— Ну, это не аргумент!

— А что тогда аргумент?

— Оправдывать собственную трусость численным превосходством противника низко! — вмешался Виктор Петрович.

— Прекрасно! Вот я уже и трус!

– Илюша, я не говорю, что те мальчишки, твои одноклассники, были правы...

– Вообще-то, мама, ты именно это и говоришь!

Кристина поднялась из-за стола:

– Так, все, меня это достало! Ссорьтесь без меня!

– А НУ СЯДЬ!

Мгновенный переход от фальшивой умильности к ярости в голосе матери испугал Кристину.

Вот оно, то главное, ради чего все затевалось. Можно отказаться от жирного мяса, но нельзя по своей воле выйти из-за стола, если мамочка еще не закончила экзекуцию.

Побледневшая Кристина молча опустилась на место.

Бунт на корабле был подавлен.

– А мне нравится вид на Кремль, – пробормотала Варвара.

Илья молчал, глядя перед собой застывшим взглядом. Виктор Петрович чавкал.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы понять: у некоторых семья – это не место, где можно быть самим собой рядом с теми, кто тебя любит. Это поле боя. Всегда. Каждую минуту. Чем дольше и безмятежнее затишье, тем мощнее будет взрыв.

В некотором смысле Ульяне Степановне не позавидуешь. Она – главнокомандующий, у которого один солдат то и дело пытается дезертировать, другой способен случайно подорвать себя вместо противника, а третий не оправдал возложенных на него надежд и остался пешкой, вместо того что-

бы выйти в ферзи. Он мог стать знаменитым фигуристом! Великим математиком! В него столько вкладывали, его так упорно толкали в нужную сторону! Не думаю, что Харламовы когда-либо способны были рассмотреть своего настоящего сына: тихого заикающегося мальчика, любителя сложных конструкторов и книжек по физике.

Этого крушения надежд Ульяна Степановна так и не простила Илье. Заурядный программист, довольный своей участью! Трудно не презирать человека с такими мелкими устремлениями.

Звонок в дверь нарушил тягостное молчание.

Ева с криком «Тетя Галя, тетя Галя!» промчалась по коридору к двери, за ней протопал Антошка.

Дети любят нашу соседку. У Галины Андреевны Ежовой легкий характер, а главное, всегда наготове для них пара конфет.

– Дорогие мои, я буквально на секунду! Не буду вас отвлекать!

Я всегда люблю Ежовую. Галя то и дело примеряет образ «горожанка в сельской местности» с упоением девочки, обнаружившей в бабушкином шкафу сарафан и кокошник.

Сегодня она в длинном льняном платье с вышивкой. Волосы убраны в две косы, в вырезе посверкивает старомодная подвеска с гранатами. Галя принципиально не покупает новых украшений; по ее словам, в них нет души. Все, что у нее есть, вынуто из потертого сундучка с брошками, брас-

летиками и прочими грубоватыми побрякушками советских времен.

С приходом Галины тягостная атмосфера немного разрядилась. Она принесла половину пирога собственного изготовления: слоеное тесто, начинка из шпината с брынзой, в которую добавлены какие-то ароматные травы.

– Половину себе оставила, пожадничала! – Ежова поцеловала Еву на прощанье. – Обожаю кервель, третий раз за год его сажаю.

Когда она ушла, из кухни появилась Люся.

– Что, Галя уже убежала? Жалость какая.

Она выглядела даже более усталой, чем сорок минут назад. И шла так медленно, словно под ней был натянутый канат и десять метров пропасти.

Уже потом, обдумывая, что случилось, я пришла к выводу, что она слышала весь разговор. Наверное, пряталась на лестнице или за углом, стояла и переживала, что ничем не может помочь Илье.

– Люся, тебе пирога отрезать? – Ульяна Степановна после случившегося была в приподнятом настроении.

Люся неожиданно холодно взглянула на нее и ничего не ответила. Хромая к своему месту, она потеряла равновесие, ухватилась за скатерть... И осела на пол, утягивая ее за собой.

Из-под моих рук уехала тарелка с картофельным пюре. За ней, крутанувшись, последовала соседняя – все это напоми-

нало аттракцион «Веселые чашки». Звякнули вилки с ножами в предчувствии крушения, и графин с морсом взорвался, рухнув на плиточный пол.

Попадало все. Остатки картошки разлетелись по столовой. Кристина успела схватить пустую бутылку из-под вина и прижала к себе.

Илья кинулся поднимать старушку, Виктор Петрович – картошку. Люся сидела на полу, крепко сжимая в кулачке скатерть, суровая, как изгнанный царь, не желающий расставаться с мантией. Дети, прибежавшие на грохот, застыли в дверях в восторге и ужасе.

– Мамочка, компот разлили! – выкрикнул Антошка, не в силах сдерживаться.

– Котики, не подходите близко, здесь повсюду осколки.

– Люся! – взывала Ульяна, обозревая царящий вокруг хаос. Она не успела отодвинуться, и на коленях у нее разлеглась нежная, как щеночек таксы, последняя колбаска. – Ты с ума сошла?!

Она гневно отшвырнула колбаску.

– Люся, ты ушиблась?

Варвара опустилаcь на колени возле тетушки и принялась осматривать ее.

Люся была в порядке. Скатерть замедлила падение, и на пол старушка сползла плавно, как на парашюте.

– Посуда бьется к счастью, – утешил Илья.

Мы с ним, посадив виновницу случившегося на диванчик,

принялись разбирать последствия аварии. Варвара убежала за тонометром. Кристина сметала осколки в совок.

Виктор Петрович с отрешенным видом поднял с пола кусок пирога, принесенного соседкой, и стал машинально жевать, глядя в пространство.

Некоторое время никто из нас не обращал на него внимания.

Дело в том, что Виктор Петрович иногда впадает в раж. Необъяснимая уверенность, что он единственный, кто может разобраться с проблемой, снисходит на него, и верхняя губа свекра начинает подергиваться, а глаза выкатываются из орбит. Он всхрапывает и закусывает удила. Он прядет ушами.

Затем Виктор Петрович кидается в гущу событий и окончательно все портит. После его вмешательства целое становится разбитым, ароматное – вонючим, а густое – размазанным. Сам же он походкой сокола на пенсии удаляется, бормоча под нос: «Без мужа жена – кругом сирота».

Вот почему когда он сидит тихо, все стараются продлить это состояние.

Но минуту спустя Ульяна осознала, что он творит.

– Виктор! – басом взвизгнула она. Не знаю, как ей это удалось. – *Что ты жуешь?!*

Она налетела на супруга и принялась отбирать у него пирог. Со стороны это выглядело так, словно взбесившаяся сова вырывает у собственного птенца только что отрыгнутую в его разинутый клюв дохлую полевку. Птенец сопротивлялся

и орал.

– Не дам!

– Сдурел? В нем могут быть осколки!

Ульяна наконец-то завладела остатками пирога. Если бы она могла, запустила бы руку по локоть мужу в горло. Но Виктор Петрович, торопливо дожидая добычу, сбежал в сад.

Когда все было закончено, свекровь отправилась разобратся с Люсей.

Как и я, она не поверила, что падение было случайностью. Демарш, безрассудный протест прозрела в ее поступке Ульяна.

А протест здесь никому не сходит с рук. Особенно если ты приживалка.

Люся – маленькая безобидная птичка. Но и живет она у Харламовых на птичьих правах.

Я не слышала, что именно Ульяна говорила ей, но вечером Люся плакала и собирала вещи. У нее есть комната в коммуналке где-то на окраине Москвы – все, что осталось от прежней сытой жизни. Я слышала, с ней случилась какая-то трагедия и Люся все потеряла, но говорить об этом Харламовы не любят.

Люсина сестра разумнее распорядилась тем, что имела. Виктор Петрович после смерти матери взял тетушку к себе. Было ли искренним его желание помочь пожилой родственнице? Или они с Ульяной нацелились на Люсину комнатуш-

ку?

Не знаю. Впрочем, ей всего шестьдесят девять, и она стойкая старушенция. Несмотря на свой артрит и внешнюю хрупкость, она может прожить еще долго, если болезнь с длинным сложным названием «хроническая недостаточность мозгового кровообращения» не сведет ее в могилу раньше времени. Но Варвара, кажется, знает, что делать, чтобы Люсе не становилось хуже.

Илья, Варвара и Кристина уговорили мать и Люсю подождать хотя бы до конца выходных, прежде чем принимать жесткие решения. Я заранее тосковала, представив, каково здесь будет, если Люся и впрямь уедет.

Но случилось иначе.

Ночью Виктору Петровичу стало плохо. Варвара вызвала скорую, его отвезли в больницу. Промывание желудка, капельницы – на следующий день он был так слаб, что не мог даже пошевелиться.

А утром пришло новое жуткое известие. Соседка, Галина Ежова, была найдена мертвой с признаками отравления.

Глава 4

Песни ангелов

Московской области

Рита Толобанова никогда не звонила Маше, только писала. Телефонных разговоров она боялась. Голос в трубке отделен от своего обладателя, он вьется в ней и жужжит, точно попавшая в коробку оса, и, слушая его злое биение, Рита теряла мысль и не могла сконцентрироваться.

Эта фобия выглядела тем удивительнее, что во всем остальном Рита была человеком редкого самообладания. Ее трудно было смутить и еще труднее вывести из равновесия. Продавец-консультант в одном из лучших книжных магазинов Москвы, она умела найти подход почти к любому покупателю.

Вот почему Маша нахмурилась, когда увидела на своем телефоне пропущенный вызов от подруги. Она перезвонила.

– Дорогая, ты дома? – Голос Риты звучал глуховато.

– Да! Что случилось?

– Можно к тебе зайти? Прости, что я без предупреждения.

Если ты занята...

– Рита, заходи, конечно, – перебила Маша. – Ты далеко? Тебя встретить?

– Сориентируюсь, – хмыкнула Рита. – Машка, спасибо те-

бе, я как-то совсем растерялась...

Маша больше не успела ничего спросить: подруга нажала отбой.

Десять минут спустя в дверь позвонили.

Рита, большая, полная, в сером замшевом платье-балахоне похожая на тюленя, встретила Машу вымученной улыбкой. В первую секунду Маше показалось, что все в порядке, но затем взгляд ее упал на Ритину сумку-торбу и на подол балахона.

– Ты упала?

– Ну, и упала тоже. – Рита криво усмехнулась и откинула прядь волос, закрывавшую лицо.

Маша тихо ахнула, увидев разбитую губу и кровоподтек на скуле.

– Надо было в аптеку зайти, а я не сообразила... – говорила Рита, пока Маша, усадив ее на стул, осторожно обрабатывала перекисью ее лицо. – Меня как будто переключило, честное слово. Ой! Господи, кто это?

– Цыган, – сказала Маша, не отрываясь от своего занятия. – Цыган, познакомься, это Рита. Рита, это Цыган.

– Хороший. Из приюта взяла?

– Увезла из Таволги. Была морально готова вернуть его – все-таки он дворовый пес, привык к другой жизни, – но он вроде бы всем доволен. Не дергайся!

– Ай-яй!

– Сейчас обрабатываем и приложим лед. А потом я найду

мазь от синяков. У Сережи где-то была...

Маша достала из морозилки лед.

– Держи. Показывай, где еще...

У Риты были разбиты локоть, коленка и бедро. «Упала, – прикидывала Маша. – Порвала платье, сумка отлетела в грязь. Все произошло на улице».

– Колготки пришлось стащить прямо там и выкинуть по дороге, – сказала Рита. – Порвались напрочь... Елки, так жалко: волфордские колготки, вагон денег стоили, между прочим. Сейчас расскажу в подробностях...

– Подожди, закончим с твоими боевыми ранами... – Она подняла глаза на Риту. – В полицию не хочешь обратиться?

– Нет смысла, поверь.

Маша с сомнением покачала головой.

– Налить тебе чаю?

– А нет ли, дорогая, у тебя коньячку? – проникновенно спросила Рита.

Выпив, она глубоко вдохнула и зажмурилась.

– Ангел-спаситель ты мой, Мария... Происшествие в меру идиотское, по правде сказать. Мне теперь даже рассказывать как-то стыдно.

– Коньяк мой пить не стыдно, а рассказывать стыдно? – безжалостно осведомился спаситель.

– Руки мне выкручиваешь! Ладно, налей еще чуть-чуть.

Она потрогала разбитую губу и печально сказала:

– Название-то, главное, хорошее, продающее. «Песни ан-

гелов Московской области»...

– Что это?

– Книга. Пришла сегодня утром на реализацию. Будиновская договорилась с нашими, зубами вырвала согласие на сорок штук... Ты знаешь Яну Будиновскую из «Амины»?

Маша попросила ее не отвлекаться.

– Нет, подожди, это важно. Понимаешь, сорок экземпляров только что напечатанной книги – это очень много.

– А сколько привозят обычно? – спросила Маша.

– Зависит от автора. Когда издательство выпускает новый роман, оно заинтересовано в том, чтобы весь тираж был распродан. Мы, то есть книжный, стараемся брать на реализацию столько, сколько гарантированно сможем продать. Если нам привезут десять экземпляров, а купят лишь один, что делать с оставшимися девятью? Они занимают место. От них придется в конце концов избавляться: ставить огромную скидку или возвращать издательству.

– Это имеет отношение к твоим синякам? – мягко спросила Маша.

– Прямое! Представь, что ты издатель и собираешься вывести на рынок нового писателя. – Рита поставила между собой и Машей фарфоровую солонку. – Для этого ты должна убедить книжный магазин, что книги этого писателя будут пользоваться спросом. И здесь мы попадаем в замкнутый круг. Чем больше экземпляров я соглашусь взять, тем активнее я буду продавать твоего новичка. Может быть, да-

же соглашусь выделить ему место на выкладке.

Выкладка – магическое слово. О ней Маша знала. Центральный стол, где лежат лучшие из лучших. Книга с выкладки почти гарантированно окажется в топе продаж.

Рита взяла с полки над столом несколько книжек, сложила стопкой и водрузила на них солонку. Солонка горделиво блеснула в закатном луче.

– Вечное тихое противостояние менеджеров книжного магазина и издательства... – Рита негромко засмеялась. – «Возьмите на продажу триста экземпляров!» «Нет, мы готовы максимум на пятьдесят!» Одни дают, вторые осторожничают. Нюансов много, но суть, я надеюсь, ты уловила.

– Без конкретики не считается, – сказала Маша и сняла солонку с ее возвышения. – Ты сказала – привезли сорок книг...

– Да, и это важно. У нас, как ты знаешь, довольно большой магазин. Не «Дом книги на Арбате», конечно, но мы входим в пятерку самых крупных. Трафик у нас высокий, затишья почти никогда не бывает, разве что в утренние часы. Я тебе это рассказываю, чтобы ты поняла: даже нового Пелевина мы заказываем не больше восьмидесяти штук. Когда их раскупят, мы попросим новые. Возвращаемся к Будиновской. «Амина» выпустила книгу некоего Варфоломеева. Ты знаешь такого писателя, Маша? Вот и я не знала до сегодняшнего дня. У него даже имени нет! Только инициал «И», без расшифровки. Но Яна продавила наших на сорок

экземпляров. Причем это эксклюзив – мы начинаем продажу первыми, остальные магазины получают книги в лучшем случае завтра. Их привезли со склада издательства этим утром. Я думала, мы будем год их продавать! Нынешний читатель неохотно берет новинку, если за ней не стоит чья-то весомая рекомендация, но о Варфоломееве никто нигде не писал. А сто́ит он, между прочим, прилично! Я бы торт на эти деньги купила, – мечтательно протянула она.

– Рита, давай я тебя покормлю, – предложила Маша.

– Не обращай внимания, это все коньяк. Слушай! Я прибегаю сегодня утром на работу. Не успели открыть двери, как появляется первый клиент. Мужчина. Сразу спрашивает, где лежит Варфоломеев. Хватает книжку, долго стоит возле полки, листает ее... Дергается, как от удара током, и идет с открытой книгой, точно робот, в зеленую зону, – у нас есть уголок, где можно выпить кофе и почитать. Ничего вокруг не замечает. Я стала за ним наблюдать...

– Как он выглядел?

Рита пожала плечами:

– Мужчина средних лет. Усы, густая борода, очки в роговой оправе. Но ты бы видела, как он читал! Уткнулся в книгу, что-то шептал, шевелил губами... Ты знаешь: у нас не разрешается приносить в зеленую зону книги с полок, там есть своя небольшая библиотечка. Но он был так поглощен ею, что я не решилась ему мешать. В этом было нечто от священнодействия. Потом достал блокнот, стал записывать... И

вдруг он подскочил! Взорвался, разве что не закричал. Кинулся к кассе. «Я хочу купить все эти книги! Все, какие есть в наличии!»

– Может, ему так понравилось, что решил приобрести их в подарок?..

– Сорок штук? Подожди, это только начало. Мне стало до жути любопытно, и пока кассирша не успела пробить чек, я отложила себе один экземпляр. Извините, говорю, ее только что купили. Он уставился на меня, и мне, Маша, стало не по себе. Покупатели у нас бывают разные, и буйные, и грубые... Но от этого человека что-то такое исходило... Он цедит: кто успел купить, если магазин только что открылся? Я сделала невозмутимое лицо. К сожалению, говорю, не имею права ответить на этот вопрос, но если вам принципиально иметь строго сорок экземпляров, то мы можем заказать недостающих или проверить по базе, в какие магазины поступят книги Варфоломеева.

Рита снова прижала пальцы к нижней губе и поморщилась.

– Что он тебе ответил?

– Ничего. Посмотрел очень внимательно, словно запоминал меня, отвернулся и был таков. Книга лежала в моей сумке, и в обеденный перерыв я ее достала. У меня зародилось подозрение, что мы стали невольными участниками какой-то странной кампании по продвижению.

– О чем книга? Рита, не томи!

Рита развела руками:

– Начинается как история мужчины, который влюбляется в танцовщицу, собирается покорить ее сердце, понимая, что успеха вряд ли добьется... И к нему является ангел. На этом моменте меня отвлекли, дальше я не успела прочесть. Понимаю, в пересказе звучит как жуткая дребедень.

Маша выразительно посмотрела на порванное и грязное платье.

– Сейчас объясню, – со вздохом сказала Рита. Ее оживление улетучивалось на глазах. – После работы я поехала в магазин за пряжей. Плутала на задворках Кантемировской, еле нашла... Когда я пошла обратно к метро, то решила срезать путь и свернула в какой-то безлюдный переулок... И тут на меня вышел прямо из-за угла человек. В черной маске. Он ее еще рукой поправлял, когда оказался передо мной. Я не то чтобы испугалась, просто остолбенела! Представь: стоит перед тобой мужчина в натянутой до подбородка шапке с прорезями для глаз, словно собирается грабить банк. Молча, ни слова не говоря, стал вырывать у меня торбу. Причем если бы он сказал: «Дай сюда!», я бы ему отдала ее добровольно! А когда он дернул ее, во мне что-то включилось... Я схватила крепче! Стоим, пыхтим, я думаю: «Надо бы закричать!» И тут он как врежет мне от всей души... – Она ошупала языком щеку изнутри. – Слава богу, зубы целы! Я упала, сумка отлетела в лужу. Он склонился над ней, расстегнул и вытряхнул все прямо в грязь. Но взял – Маша, ты не пове-

ришь! – только книгу. А у меня там и портмоне, и купюры россыпью – ты знаешь, я безалаберно к деньгам отношусь... Схватил Варфоломеева, сунул под куртку и убежал. Все заняло минуту, не больше. На улице так никто и не появился. Я посидела на бордюре, немного пришла в себя... Собрала вещи. Доковыляла до метро, села в первый попавшийся вагон и провалилась в сон, не иначе как от стресса. Проснулась на другом конце города. Сообщила, что ты совсем рядом. Вот, собственно, и все!

Маша сочувственно погладила ее по плечу.

– Это был тот же человек, который покупал книги в твоём магазине?

– Очень похож!

– Ты запомнила цвет глаз или какие-нибудь приметы?

– Нет, Маш. Ничего. Все произошло очень быстро, я растерялась, а потом... потом мне просто было больно.

Цыган наострил уши и вскинул голову, глядя на дверь.

– Сережа идет, – сказала Маша, бросив на него взгляд.

В двери провернулся ключ, раздались голоса. Она запоздало вспомнила, что муж обещал привести к ужину Макара.

Рита засобиралась, бормоча, что не хотела бы мешать семейному вечеру.

– Подожди, с ума сошла? – вскинулась Маша. – Во-первых, ты никому не мешаешь...

Сергей вырос в дверном проеме, как великан, закрывший собой вход в пещеру.

– Рита! Привет! Сто лет тебя...

Заметив на ее лице синяк, он осекся. Взгляд скользнул по столу со стопками и коньяком и задержался на тюбике мази у Маши в руке. Наконец Бабкин вопросительно уставился на жену. «Нам исчезнуть и не отвечать?»

– Ты наверняка думаешь, что меня приложил бойфренд, – прервала Рита их молчаливый обмен взглядами. – Сообщаю, что у меня и бойфренда-то нет. А пострадала я из-за собственного любопытства.

Из-за спины Сергея Илюшин приветственно помахал рукой.

– А мы уже уходим, – сообщил он, принаравливаясь ухватить напарника под локоть.

– Да что вы все рветесь уходить, – рассердилась Маша. – Такие все деликатные, что поужинать не с кем. Между прочим, макароны по-флотски в холодильнике. Для кого я, спрашивается, их... И вообще!

На этом взаимная неловкость сама собою рассосалась. Заговорили наперебой, и как-то сразу решилось, что макароны по-флотски требуют коллектива. Сергей раздвинул стол, Илюшин расставил тарелки. Рита сидела с задумчивым видом, время от времени прикасаясь к распухшей губе.

Бабкин подумал, что вчетвером они еле-еле размещаются в кухне. Костя, Машин сын, уже больше года не жил с ними. Он снимал квартиру на троих с приятелями, ежедневно скидывал в Телеграм ему и Маше новые мемы и был влюб-

лен в однокурсницу, которую однажды с таким гордым видом представил Бабкину, что тот едва не расхохотался.

В последний год их совместного проживания Костя стал невыносим. Сергей чувствовал, что его раздражают и он сам, и Маша. Костину злость в отношении себя он готов был принять безропотно, но попытки парня шпынять его жену приводили Бабкина в ярость, замешанную на изумлении. Веселая, деликатная Маша, с его точки зрения, ничем не заслуживала такого отношения. Она не лезла в дела своего сына, но готова была предоставить любую помощь.

Между тем Косте исполнилось девятнадцать. Он на голову перерос мать, и многие его выступления уже трудно было списать на подростковые бунты. Бабкин бессильно скрипел зубами. Он не был Косте отцом, только мужем его матери, причем мужем, пришедшим на чужую территорию. Он не имел права вмешиваться. Не имел права ни на что.

Именно тогда Сергей стал уговаривать Макара братья за любые подходящие дела. Ему нужны были деньги. Четырехкомнатная квартира, думал он, решила бы их проблемы.

Однако в это же время стоимость квадратного метра в Москве принялась расти. Бабкин на себе прочувствовал всю универсальную правдивость фразы из «Алисы в Стране чудес»: «Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее». Он бежал так, что язык болтался на плече, но не успевал за инфляцией и ростом цен.

Однажды, вернувшись домой в неурочное время, он застал тлеющие угли ссоры. Костя раздраженно выговаривал матери, Маша бормотала что-то в свое оправдание, похоже, даже не понимая, в чем ее обвиняют. Прислушиваясь из прихожей, Бабкин уловил, наконец, из чего вспыхнула первая искра: Маша пришла на кухню заваривать кофе, когда там расположился Костя со своими учебниками. «Нельзя, что ли, в турке заварить? – рычал сын. – Обязательно нужно включать эту рычащую дрянь?» Под рычащей дрянью имелась в виду кофемашина. Машину полгода назад Сергей положил в качестве подарка под новогоднюю елку, и больше всех ей радовался именно Костя.

Бабкин внезапно прозрел.

– Пойдем, – коротко сказал он Косте, неожиданно появившись в кухне. – Нужно поговорить.

Парень спал с лица. С самой первой минуты, как Сергей появился в их жизни, они прекрасно ладили. Бабкин ни разу в жизни не повысил на него голос. Но сейчас Костя преисполнился уверенности, что его зовут лишь затем, чтобы спустить с лестницы.

Бабкин, не оборачиваясь, вышел на улицу. Костя плелся за ним.

Найдя свободную скамейку, Сергей сел сам и кивнул парню: садись.

– Мужчина, который срывается на женщине, когда у него что-то идет не так, это не мужчина, а кусок неудачника, –

медленно, с расстановкой сказал он. – Неважно, жена она ему, сестра или мать. На своей подруге ты, я так понимаю, срываться не смеешь. Она тебя пошлет к чертовой бабушке и будет права. А от матери ты отпора не получаешь и поне-многу теряешь берега.

Костя испуганно молчал. Прежде Сергей никогда не читал ему нотаций.

Бабкин искоса взглянул на него. Тот выглядел не второкурсником под метр восемьдесят, а пристыженным мальчишкой. Его охватила жалость.

Не имея своих собственных детей, он все эти годы был вынужден с утроенным вниманием вглядываться в чужого сына, чтобы не натворить ошибок. Он взвешивал каждый свой поступок. Сам того не зная, он много лет учился общаться с Костей, – и обучение принесло плоды.

– Расскажи, что не в порядке, – попросил он. – Ты не просто так кидаешься на меня и маму. Есть причина.

Костя молча сопел.

– Зачем тебе? – наконец спросил он.

– Я постараюсь помочь, – просто ответил Бабкин.

– Да не сможешь ты!

– Мы постараемся, – повторил Сергей.

Костя еще помолчал – и заговорил.

Все оказалось примерно так, как подозревал Бабкин. Ему было тесно с ними в двухкомнатной квартире. Сыщик, которого не стесняли ни Маша, ни ее сын, и представить не мог,

как тяжело приходилось парню. «Будто в клетке... – сокрушенно бубнил тот. – Куда ни пойдешь, везде кто-то есть... очередь в туалет, блин, по утрам... одному не остаться... девушку не привести... Хочешь днем послушать музыку на полную, так мама работает, нельзя мешать! Вроде своя комната, а я в этих двенадцати метрах как заключенный! Выйти наружу нельзя, чтобы на кого-нибудь не наткнуться!»

Сергею оставалось лишь ругать себя. Сам он не страдал от тесноты и скученности и не заметил, что страдают остальные.

«Ввалился медведь в чужую избушку... Сам еле втиснулся и всех без воздуха оставил».

– Короче, такие дела, – сказал он, выслушав сбивчивые Костины объяснения. – Квартиру мы купить пока не можем...

– У нас есть квартира... – непонимающе начал Костя.

– ...но можем снять. Подумай, хочешь ли ты жить отдельно? Можем пока прикинуть, какой район удобнее. Чтобы и до нас с мамой близко, и до университета...

Костя уставился на него с изумлением.

– Ты предлагаешь арендовать мне жилье?..

– Почему нет? Или ты хочешь, чтобы я съехал, а ты остался вдвоем с мамой?

Костя в ответ расхохотался, приняв его слова за шутку.

– Если честно, я пытался сам что-то подыскать, – признался он. – Репетиторствовал, в лагерь вожатым ездил... Ну, ты

знаешь! Потом посмотрел, что предлагают на эти деньги... Какие-то бабушатники, бомжатники... Я и так-то не лофт с видом на Патрики искал, но это ни в какие ворота. В таких хатах только вешаться хорошо.

– Мы найдем нормальную чистую квартиру, – заверил Бабкин. – Если тебе что-то не понравится, ты в любое время сможешь вернуться домой. Да, и вот еще что...

– Перед мамой извинюсь! – торопливо сказал Костя. – Я и правда как скотина себя...

– Нет, я не об этом. Слушай: когда мне было семнадцать, родители уехали на неделю. На третий или четвертый день чувствую: что-то не то. Суп начал есть – тьфу, дрянь! Кашу попробовал – гадость. Мороженое – не лезет. Пить, правда, хотелось. Стал что-то читать – глазами по строчкам скольжу, а до мозга не доходит. Сел за учебу, ни одного примера не смог решить. К вечеру я уже начал беситься. И тупость какая-то, и сонливость, и злой на весь мир... А тут как раз соседка позвонила в дверь. То ли соль ей была нужна, то ли яйца... Я принес, а она вглядывается в меня и говорит: «Сереженька, ты не заболел ли, часом? Весь красный!» Руку положила мне на лоб и ахнула: «Температуру мерил?» А мне и в голову не пришло. Градусник мне всегда мама совала под мышку, если что-то беспокоило. А сам я как-то... – Он помолчал, усмехнулся. – Ну, намерили тридцать девять и пять. Вызвали скорую. Вкололи жаропонижающее. Следующие три дня отлеживался. Слабый был, как котенок. Еле

ползал.

Мимо пробежали дети, таща за собой на веревочке громышающий грузовик. Бабкин поднял глаза и увидел, как в окне возник Машин силуэт. Она помахала рукой и отошла. По-видимому, никакого беспокойства за исход разговора его жена не испытывала, и при мысли об этом Сергей почувствовал гордость.

– Почему ты об этом сейчас вспомнил? – спросил Костя.

– Простое действие – сунуть себе градусник. Если бы я сделал это утром, меня бы так не плющило весь день. Выпил бы таблетку и спал. Но у меня не было это прошито в голове: «Если чувствуешь себя как-то не так, проверь температуру».

Костя вежливо молчал.

– Полезное умение – отслеживать свое состояние, – пояснил Сергей. – Для начала зафиксировать: я стал раздражителен в последнее время. Потом задуматься: значит, что-то не так. Еще раз задуматься: а где что-то не так? В чем? Что у меня не складывается? Это такой... ну, эмоциональный градусник... Отслеживаешь свое настроение, заранее принимаешь меры, если чувствуешь, что вот-вот выйдешь из себя... Я в метафорах не силен, мама твоя лучше бы объяснила.

– Даже мама не объяснила бы лучше, – без улыбки возразил Костя.

За ужином Рита еще раз пересказала все, что с ней случилось. На этот раз, как заметила Маша, говорить подруге

было легче.

Когда повторяешь вслух свою историю, происходит неуловимая подмена: чувства заслоняются словами. Думаешь, что называешь пережитое по имени, а в действительности упрощаешь его, присваиваешь ему ярлыки. С ярлыком легче иметь дело.

Бабкин и Макар выслушали ее с большим вниманием. Сергей сразу сказал, что нужно обратиться в полицию, и чем быстрее это сделать, тем больше шанс, что нападавшего найдут.

– Но он у меня ничего не украл...

– Он тебя ударил, – сказал Сергей. – Напал на тебя и толкнул. Если в переулке есть камеры, его могут проследить до метро.

– Почему не до машины? – спросила Рита.

– Потому что он шел за тобой, – чуть удивленно ответил Бабкин, которому это было ясно как божий день.

– Ты имеешь в виду, следил от самого магазина?

От мысли, что она была объектом слежки, ее затрясло.

– А как еще он мог узнать, что ты на Кантемировской? Конечно, он вел тебя от работы, а затем поджидал подходящего случая. Эта книга требовалась ему позарез. Не забудь в полиции рассказать об утреннем эпизоде. Жаль, что этот тип расплачивался наличкой...

– А камеры? – спросил Макар. – Камеры есть в магазине?

– Есть, но зеленая зона в них не попадает.

Маша собрала опустевшие тарелки. К ее удивлению, Илюшин, всегда помогавший в домашних делах, на этот раз даже не двинулся. Он сидел, словно застыв, и глаза его поблескивали в сгущающихся сумерках.

– Это очень загадочная история.

Рита уставилась на Макара. Синяк на скуле налился богатой синевой с прозеленью, и желто-карий Ритин глаз смотрелся в нем как пятно на конце роскошного павлиньего пера.

– Случаи, когда авторы из каких-то соображений выкупают свой собственный тираж, не так уж редки, – сказала она. – Гоголь уничтожил «Ганца Кюхельгартена», когда прочел первые отрицательные отзывы. Скупил со своим слугой все книги и сжег. Некрасов уничтожил напечатанный сборник стихов «Мечты и звуки»: решил, что стихи недостаточно хороши... А в Англии пару лет назад какой-то беллетрист выкупил четыреста экземпляров разом – кажется, чтобы попасть в число самых продаваемых авторов за неделю. Что тебя удивляет?

– Пока меня удивляет все. Тираж печатают в типографии, это ясно. Куда он отправляется потом? По магазинам?

– Нет, в издательство. Книги распределяются именно там.

– Тираж Варфоломеева могли развезти по магазинам за один день?

Рита даже рассмеялась.

– Нет, что ты! Такая слаженная работа бывает лишь в том случае, если речь идет об акции какого-то сверхпопулярного

писателя вроде Джоан Роулинг! Насколько я знаю, мы первые получили эту книгу, больше ни в одном магазине ее пока нет.

– Значит, где-то на складе издательства томятся другие экземпляры «Песен ангелов Московской области», верно? – Илюшин упорно гнул свою линию.

Маша наконец поняла, что он имеет в виду:

– Зачем отбирать у тебя одну-единственную книгу, если завтра еще шестьсот поступит в продажу?

Несколько секунд Рита непонимающе смотрела на них, затем тяжело поднялась:

– Мне нужно позвонить.

Она подхватила испачканную сумку, едва не уронив бутылку со стола. Вскоре из соседней комнаты донесся ее взволнованный голос.

– Какой-то хмырь с непомерными амбициями решил, что мир недостойн его детища, – сказал Сергей, прищурившись. – Поступившие в продажу книги выкупил. Одну отобрал у Риты, которая ему надерзила и осмелилась оставить у себя один экземпляр. Найти его легче легкого! Сложнее доказать, что он стоит за нападением, но тоже возможно. Что тебя зацепило?

Макар не успел ответить. Рита вернулась в кухню, сжимая в руке телефон.

– Больше нет экземпляров, – озадаченно проговорила она. Маша придвинула ей стул, и Рита села, глядя перед собой с

удивлением ребенка, не обнаружившего на обычном месте любимой карусели. – Совсем. Напрочь.

– Как это случилось? – быстро спросил Макар.

– Один из сотрудников склада продал какому-то мужчине все оставшиеся книги.

– Это разрешается?

– Конечно, нет! Сотруднику явно дали на лапу. Он уволился этим же днем и заявил, что не будет ничего отрабатывать. Но «Амине», в принципе, волноваться не о чем: они получили причитающееся, и не нужно развозить тираж. Будиновская, с которой я разговаривала, была скорее довольна. Хотя бухгалтерия рвет и мечет.

– Ну, знал я, что писатели больные люди, – высказался Сергей, – но чтоб настолько! А что, по-хорошему нельзя было с издателем договориться? Обязательно взятки совать сотруднику склада? Что за бред?

– Бред, вот именно, – согласилась Рита. – Я так Маше сразу и сказала. Ахинея.

Илюшин откинулся на спинку стула.

– Так-так-так... Он подчищает абсолютно все бумажные следы.

Ударение на слове «бумажные» заставило Машу встрепенуться.

– Минуточку! Но это же нелепость...

– Ну, не совсем, – возразил Макар. – Если издатель не станет допечатывать тираж, проблема решена.

– А вдруг!..

– Тогда он опять все скупит.

Бабкин уставился на них:

– Вы о чем?

– Мы живем не во времена Гоголя и Некрасова. В издательстве сохранилась электронная копия книги. Та же верстка... Да и в типографии они есть. – Макар встал и пересел на подоконник. В сумерках его худая длинноногая мальчишеская фигура казалась вырезанным из темноты силуэтом. – При желании можно напечатать хоть миллион экземпляров. Не слишком-то наш писатель осмотрителен!

Он пощелкал пальцами.

– Рита, вы можете достать мне электронную копию этой книги? Раз у вас есть связи с издательством.

Та растерянно посмотрела на Машу.

– Это несложно... Но зачем?

– Неужели не интересно, о чем этот роман? Тем более, вы пострадали непосредственно из-за него.

– Очень интересно! Но я не думала, что... – Глаза ее вдруг сверкнули вдохновенным блеском. – Черт, правда! Завтра копия будет. – Диктуй адрес почты!

Глава 5

Сыщики

Заглянув к Илюшину около полудня, Бабкин обнаружил напарника за чтением. Макар распечатал присланный Ритой с утра файл, включая обложку: *«Песни ангелов Московской области», И. Варфоломеев.*

– Много освоил? – осведомился Сергей.

– М-м-м... половину, – отозвался Макар, уткнувшись в страницу. Он лежал на диване, держа над собой несколько листов сразу, чтобы текст не просвечивал. – Первую половину. Второй раз.

– Что это значит?

Илюшин оторвал взгляд от книги.

– Я прочел ее всю, теперь перечитываю. Пока перечитал половину. Первую.

– Быстро ты!

– Роман не очень большой.

Пользуясь тем, что Макар занял диван, Бабкин опустился в его кресло. «Господи, хорошо-то как!» Спина, которую он сорвал в Карелии, до сих пор давала о себе знать.

– Я у тебя кресло отберу, – лениво сообщил он.

– М-м-м...

– Ты его недостоин.

– М-м-м...

– И перекрашу.

– Угу.

Все три пробных мячика, пущенных в Илюшина, не были отбиты. Сергей нахмурился. С того момента, как он появился, Макар не задал ни одного вопроса про Богуна. Макар не стал обсуждать потенциальных клиентов. По утрам, если не велось расследования, они проводили что-то вроде совещания: за что браться, кому отказать, и если отказать, то какие выбрать формулировки. Клиенты бывали разные, обидеть кое-кого из них означало нешуточно осложнить себе жизнь.

Что-то из ряда вон выходящее должно было произойти, если Макар отступил от заведенной традиции.

Бабкин начал раздражаться. Но пока он наблюдал за Илюшиным, кажется, забывшим о его существовании, раздражение сменилось беспокойством. Уйдя на кухню, он сварил кофе на двоих, вернулся и сунул чашку Макару.

Илюшин снова отстраненно угукнул, но вынужден был занять вертикальное положение. На это и был нехитрый расчет Бабкина.

– Что ты там вычитал? – помолчав, спросил он.

Макар отложил книгу и уставился в окно. Сергей даже проследил за его взглядом. Но на двадцать пятом этаже с илюшинского дивана можно было увидеть только московское небо, в котором изредка мелькали чайки, орущие так,

словно созывали всадников апокалипсиса. Голуби если и залетали, то тихие. Временами среди них встречались снежно-белые, прекрасные, точно сказочные принцы. Застенчиво покакав на подоконник, они уходили, похожие на херувимов, не удержавших подопечных от греха.

– Довольно странная книга, – сказал Макар. – С одной стороны, она хорошо написана. И меня не оставляет ощущение, будто я читал что-то этого автора. Фамилия «Варфоломеев» мне точно не попадалась. Но строй предложений, характерный ритм фразы... Черт его знает! Чудится, чудится что-то знакомое. С другой стороны, сюжет вопиюще плох. Это бредни пятиклассницы, воспитанной Стасом Михайловым и пионерской дружиной.

Сергей представил и содрогнулся.

– Главный герой – мужчина, влюбленный в женщину немислимых достоинств, – продолжал Макар, отпивая кофе. – Его любовь так сильна и прекрасна, что поднимает его до состояния ангела. В буквальном смысле: он понемногу начинает летать. Одежды белеют. Перья отрастают на лопатках.

– Гадость какая!

– Мироздание раз за разом подкидывает ему ситуации, в которых герой вынужден спасать людей. Скажем, он возвращается домой через парковку и видит, что в машине от сердечного приступа умирает девушка. Ему приходится прыгнуть во времени назад (да, он и на такое способен) и изу-

чить протокол реанимации. Или, например, герой, работающий газовщиком, оказывается по вызову в квартире старухи, которая погибает на его глазах. Когда он пройдет все предназначенные ему испытания, то окончательно превратится в ангела и обретет взаимность.

– Подожди, это как? – озадачился Сергей. – Баба ангела полюбит?

– Не спрашивай. Герой преодолевает все трудности, и в финале женщина выходит ему навстречу, расправляет крылья за спиной, берет его за руку, и они поднимаются к облакам. В облаке – дверь с эльфийскими письменами...

– Прямо так?

– Автор упоминает мимоходом о своей любви к Толкину, через персонажа, конечно. Герои должны что-то сделать, чтобы дверь открылась, и тогда он встает на колени и целует своей любимой руки, потому что благоговеет и преклоняется. Дверь распаивается, они уходят вдвоем в сияние, звездный путь и проч.

Бабкин крикнул.

– Лихо! А песни этих ангелов здесь при чем?

– Ни при чем. Герой вместе с крыльями обретает слух и голос и постоянно напевает себе под нос. А случайные прохожие наслаждаются его дивным тембром.

Бабкин потянулся и зевнул.

– Знаешь, я бы тоже постарался уничтожить эту шнягу. Если бы на меня, боже упаси, нашло такое затмение, чтобы

вот это все придумать, с ангелами и перьями. Зачем ты шутируешь ее по второму кругу?

Макар унес пустую чашку на кухню, вернулся и сел на подоконник.

– Мне встречались хорошие сюжеты, написанные суконым языком, – задумчиво сказал он. – Но чтобы хорошим языком такая дрянь – это впервые.

– Брось!

– Ладно, не впервые, – признал Макар. – Но что-то есть во всем этом неестественное, и я никак не могу поймать, что именно. Кстати, автор даже небесные ворота изобразил, хочешь полюбоваться?

Бабкин не хотел. Но разве кого-нибудь в этой квартире интересовали его желания, как он печально сказал самому себе, когда Илюшин сунул ему под нос распечатку с рисунком.

Двое, изображенные со спины, стояли перед огромной аркой, за которой виднелись звезды, планеты в кольцах спутников и почему-то парящие среди них лодки под парусом. Закорючки над дверью и были эльфийским языком, как догадался Бабкин, Толкиена не читавший, а только смотревший фильм Джексона, зато восемь раз.

Он покатал в голове мысль, что именно романтик, придумавший слащавый до отвращения сюжет, оказался способен напасть на Риту.

– Я искал Варфоломеева в Сети, – тем временем гово-

рил Илюшин. – Не нашел. Ничего нам о нем не известно, кроме того, что он так хотел заполучить целиком свой тираж, что не остановился перед нападением. Ну и что он импотент.

Бабкин, допивавший кофе, чуть не поперхнулся.

– Мне слышалось, или ты сказал – «импотент»?

– А иначе откуда это стремление к бесплотности?

– Может, тетка писала! – осенило Бабкина.

– Нет. Это предположение я уже рассмотрел и отверг. Специфически мужская сладострастность проглядывает за сентиментальным сюжетом... И кое-где попадаетесь вздор, который может нести только мужчина.

Сергей заинтересовался последним пунктом. Макар прыгнул с подоконника и небрежно поворошил распечатанные листы.

– Хотел процитировать, но что-то не найду эту страницу. Вот, например, описывает автор летнюю жару и толстую пышногрудую женщину, которую герой встречает день за днем по дороге в магазин. Грудь у нее висит, просвечивает сквозь платье, и все проходящие мимо мужики пялятся и улыбаются, а вот герой не такой: он отводит глаза и вспоминает тонкое изящное тело любимой. Она, кстати, балерина. Тоже слегка бестелесная.

Бабкин потянулся в кресле.

– Не вижу тут особого вздора.

Макар одарил его снисходительным взглядом, который яснее ясного говорил: ну, еще бы.

– Полногрудая женщина, не носящая бюстгальтер в жару, – небывалое явление.

– Это еще почему? – удивился Сергей.

– Затем, что тело под грудью потеет, спина болит, плечи ноют... Лифчик распределяет нагрузку более-менее равномерно. Задумывался ли ты хоть раз, каково носить под шей пару килограммов плоти? – В голосе Макара прозвучала горькая уязвленность человека, которому приходилось испытывать эти мытарства неоднократно. – Как все это трется, тянет вниз, словно ярмо? Мучительное состояние.

– Ты не преувеличивай...

– А тебе известно, что к женщинам, которые проходят операцию по уменьшению груди, за границей приставляют физиотерапевта? Который учит их заново ходить? Потому что без груди они *заваливаются назад*.

– Врешь, – не совсем уверенно сказал Бабкин.

– Центр тяжести-то смещается.

Потрясенный этой картиной, Сергей позабыл, с чего начался разговор. Женщины могли быть выдумкой от начала до конца. Но если нет... Бабкин решил, что не хочет этого знать.

Должен быть какой-то специальный термин для людей, которые насилуют других вредной, избыточной, совершенно им не нужной информацией. Среди них Илюшин был бы рецидивистом.

Бабкин пытался вспомнить, о чем вообще шла речь, но

вереница обезгрудевших женщин шла перед его мысленным взором, и все как одна заваливались назад.

Тьфу, черт!

– Не рассказывай мне больше ничего об этой паршивой книжонке, – потребовал он. – Пойду Маше позвоню, узнаю, не отфутболили ли Риту с ее заявлением.

Макар не отозвался. Он разглядывал страницу с рисунком.

– Плохо автор знает Толкиена, – заметил он. – Это не тенгвар.

– Ты о чем сейчас?

– Толкиен придумал несколько искусственных языков, я знаю только квенья и синдарин. Существует еще как минимум гномий... Не важно. Для записи на эльфийском был изобретен тенгвар. Я помню его визуально, и это не он.

Бабкин пожал плечами:

– Иллюстратор напортачил.

Макар что-то угукнул в ответ, не отрываясь от изображения. Он покрутил его так и сяк, перевернул и посмотрел на просвет.

– Ты еще к зеркалу прислони, – насмешливо посоветовал Сергей.

К его изумлению, Илюшин последовал совету. Бабкин пошел за ним в ванную комнату, зачарованно наблюдая, как его друг тянет шею и пытается рассмотреть письма в отражении.

– Символы повторяются, – бормотал он. – Нет, это все-таки произвольные каракули...

– Я тебе сразу так и сказал. – Сергей окончательно потерял интерес к книге и не понимал, отчего Макар никак не уймется. – Слушай, что у нас по новым клиентам?.. Богомол в прошлом месяце обещал нас привлечь – объявился?

– Не объявился... – рассеянно сказал Илюшин. – Серега, мне не дает покоя этот текст. В нем все неправильно, но что именно – не могу объяснить. Давай ты его прочтешь. Может быть, тебе что-то будет понятно?

Бабкин вытаращил на него глаза. Макар пожал плечами:

– Я не верю в версию о фанатичном авторе, уничтожающем роман.

– Почему? Единственное разумное объяснение!

– Он не мог не знать, что электронная копия есть у издателя. Зачем нападать на человека, унесшего с собой книгу из магазина?

Бабкин расхохотался.

– Да он псих, Макар! Ты ждешь логичных поступков от писателя, скупившего собственный тираж на корню?

– В тексте все-таки есть какая-то неприятная странность... – пробормотал Илюшин.

Отказать Макару, когда он чего-то хотел, было невозможно. Чертыхаясь, Бабкин унес с собой книгу и дома приступил к вдумчивому изучению.

Его хватило на восемь страниц.

Он вяз в предложениях. Его тошнило от сюжета. Он не мог понять, что проку в хорошем стиле, если этим стилем излагается такая зверская муть.

– Мужик-ангел. Ну, зашибись, – пробормотал он.

Прийти в себя можно было только одним способом. Пользуясь отсутствием жены, Сергей уселся за компьютер и два часа с наслаждением палил по монстрам, пока песни ангелов не были окончательно заглушены в его голове грохотом, скрежетом и пальбой.

Ночью его разбудил телефонный звонок.

– Макар, что случилось? – спросил Бабкин, мгновенно проснувшись. У них не было принято звонить друг другу по ночам без веского повода.

– Я прочитал надпись на рисунке, – сказал Макар отчетливо и так близко, словно сидел на стуле возле кровати своего друга. – Серега, это действительно шифр. Довольно простой. Нам срочно нужно отыскать того, кто написал книгу.

– Его полиция и так будет искать за нанесение легких телесных... – Поняв, что Макар жив и здоров, Сергей мгновенно успокоился и начал проваливаться обратно в сон. – До утра это не терпело? Отдаю, конечно, должное твоим способностям дешифровщика... Будешь теперь зваться Шампиньон. В честь Шампиньона.

Илюшин, в другое время не преминувший поправить его,

не обратил на сонную болтовню Бабкина внимания.

– Я уверен, он его убьет.

– Кто кого?..

– Заказчик книги того, кто ее написал. Я позвонил Рите, чтобы она срочно предупредила издателей и они вышли на своего автора, но с этим возникли какие-то проблемы.

Бабкин сел на кровати и помотал тяжелой, как ведро с водой, головой.

– Так, давай сначала. Я ни черта не понял.

– Надпись вокруг единственного рисунка в книге – не тарабарщина, как мы предполагали. Это простой детский шифр. Слова разделены пробелами, и фраза повторяется трижды – вот что поначалу сбilo меня с толку. Но когда я понял закономерность, мне удалось легко прочесть, что зашифровано. «Эти истории придумал не я, и я расскажу об этом всем».

– Что придумал не ты?

– Серега, не тупи. Так выглядит фраза, которая написана вокруг небесной двери. «Эти истории придумал не я, и я расскажу об этом всем».

– Так. Ладно. Допустим. И какие выводы ты из этого сделал?

– Автор сюжета и человек, написавший книгу, – это разные люди. По каким-то причинам первому было очень важно изъять роман из продажи. Так важно, что он не остановился перед нападением. По этой логике он должен убить написав-

шего «Песни ангелов».

Бабкин помолчал, осмысливая.

– Я не вижу здесь никакой логики, – признался он.

Макар вздохнул.

– Хорошо, оставим до утра. Набери меня как проснешься.

Нужно будет отыскать писателя.

Бабкин согласился с невыразимым облегчением. В эту минуту он согласился бы искать кого угодно, лишь бы поиски были отложены часов до десяти.

В дверь заглянула удивленная Маша.

– Что случилось? Ты почему не спишь?

– Макар – шампиньон, – сообщил Бабкин.

– А Ленин – гриб. Seriously, три часа ночи!

– Грибы никогда не спят. Они плетут свою мицеллярную сеть.

– Мицеллярная – это вода для умывания на моей раковине, – сказала Маша. – А у грибов мицелий.

Но Сергей ее уже не слышал. Едва коснувшись головой подушки, он провалился в сон, в котором не было ни дверей, ни шифров, ни ангелов.

Позже он гадал: что заставило его в то утро открыть рубрику «Происшествия»? Из того, что сказал Макар, он не понял спросонья практически ничего. Однако, проснувшись, до всяких звонков и даже до завтрака, он сделал то, чего не делал обычно: полез в новости.

*«Писатель-фантаст жестоко убит в подъезде
собственного дома».*

Это была небольшая новость, незначительная. Он на-
ткнулся на нее только потому, что знал, где искать. И писа-
тель-фантаст, как он понял, вчитавшись в статью, был ни-
каким не писателем. Обыкновенный переводчик. Время от
времени участвовал в конкурсах на лучший фантастический
рассказ года. Несколько раз выигрывал. Публиковался в сов-
местных сборниках с... Далее перечислялись знакомые Сер-
гею фамилии популярных авторов.

Нападение в подъезде собственного дома. Забит на-
смерть. Стал жертвой ограбления.

Звонок Илюшина разбудил его в три ночи. К трем пере-
водчик уже был мертв.

Но почему-то это служило Бабкину слабым утешением.

Забыв про завтрак, он позвонил Макару.

– Писателя убили, – сказал он, как только Илюшин взял
трубку. – Некого Олега Юренцова.

– Видел уже. Приезжай.

На глазах Сергея из ерунды, в отношении которой он тол-
ком не определился, бзик ли это Макара или один из тех
розыгрышей, что Илюшин отмачивал с неизменно серьез-
ной физиономией, – из-за дурацких буковок, из-под нари-
сованной двери выползла смерть, сграбастала живого чело-
века и утащила за собой. Как если бы Буратино проткнул

носом холст, а оттуда стремительно выхлестнуло гигантское щупальце, оставив на спине взвизгнувшего Артемона кровавый след.

Все было неправильно. Все.

И книжонка эта поганая...

– Рассказывай, – мрачно потребовал Сергей, переступив порог илюшинской квартиры.

Макар положил перед ним лист с иллюстрацией.

– Я до последнего не обращал внимания на надпись. А она разгадывается за пять минут. Гласные он переворачивает и добавляет к полуокружности одну или две линии, в зависимости от...

– Да пес с ними, с линиями, – перебил Сергей. – Объясни мне, что за чертовщина происходит!

Илюшин отложил страницу. Только сейчас Бабкин заметил, что стол и пол забросаны обрывками и скомканными листами, по которым расползались буквы двух алфавитов.

– Мне нужно было раньше сообразить, что за текстом и сюжетом стоят разные люди, – сказал Илюшин. – Я все гадал, что же с ним не так... Ответ лежал на поверхности.

Он покрутил головой и зевнул.

– Кофе сейчас будет. – Бабкин пошел на кухню, вспомнив, что и сам не завтракал.

– И яичница, – вслед ему сказал Макар.

Они быстро поели и вернулись в комнату. Бабкин поставил на стол огромную кружку.

– Так, на чем мы остановились?

Макар побарабанил пальцами по столу.

– Я не мог понять, зачем нужно уничтожать книги. Знаю, знаю, – остановил он Сергея, который собирался вспомнить об их предположении. – Но допустим, речь идет не о писательских амбициях. Ведь никому не была известна личность автора. Варфоломеева не может найти ни одна поисковая система. Это псевдоним. Если наша версия была неверна, что еще могло подвигнуть неизвестного покупателя так быстро и организованно изъять тираж из продажи? Ответ может быть только один: в книге содержится информация, которая для него крайне опасна. В эту гипотезу вписывается и нападение на Машину подругу. Автор, кинувшийся на единственного читателя своей книги, – это псих, как ты верно заметил. А если он нормален? Тогда за его поступком будут стоять веские мотивы.

Бабкин повертел гипотезу так и сяк.

– Ты же читал книгу дважды, – с сомнением протянул он. – Там про балерину и спасателя-импотента. Балерины, конечно, бывают разные...

– Это лишь означает, что мы чего-то не поняли. Книга – такой же шифр, как и рисунок. Рисунок мы разгадали, разберемся и с текстом.

– Зачем был убит Юренцов? – Этот вопрос не давал Сергею покоя с того момента, как он открыл новости. – Если все так, как ты говоришь...

– ...то Юренцов – тот, кто написал «Песни ангелов». Рита обещала связать меня с «Аминой» – издательством, которое выпустило книгу. Но я прочитал утром два его рассказа, которые выложены в Сеть. Уверен, это он! Стиль тот же. Думаю, дело было так: Юренцову поступил заказ на книгу с определенными условиями. Пока он писал, до него дошло, что с заказчиком что-то нечисто.

Бабкин вытаращился на него.

– Это каким же образом?

– Понятия не имею. У нас сейчас нет ни малейшей возможности это узнать. Скорее всего, они работали вместе, и Юренцов в процессе узнал о соавторе что-то такое, чего ему знать не следовало.

– И это что-то, ты полагаешь, зашифровано в книге?

Макар кивнул.

– Я в этом убежден. Соавтор Юренцова увидел это слишком поздно, когда книга уже была в печати. Рита говорила о покупателе: «Он что-то писал». Этот покупатель делал то же, что и я: разгадывал шифр. То, что спрятал тут Юренцов... – Он покачал на ладони стопку листов, – для этого человека опасный секрет. Настолько, что даже мизерная угроза разоблачения заставила его избавиться от тиража и убить того, кто мог вывести его на чистую воду. Серега, пойми: нет смысла уничтожать книгу и оставлять в живых писателя. Но обычно к тому моменту, когда всерьез начинают жечь книги, писатели уже разбежались или лежат в земле. У нас получи-

лось наоборот: сперва разобрались с текстом, затем – с его создателем. Меня еще на рассказе Риты стали терзать плохие предчувствия, но я от них отмахнулся. А зря.

– Жутковатую картину рисуешь...

– Какая есть.

Макар взглянул на телефон.

– Уже десять. По словам Риты, с издателем можно связаться не раньше одиннадцати... С другой стороны, чем черт не шутит.

Набрав номер, он подождал, затем разочарованно покачал головой.

– Переадресация на голосовую почту. Что за люди такие...

Жить в Москве и приступать к работе в полдень!

Бабкин хотел заметить, что одиннадцать – это не полдень, но промолчал. В гипотезе Макара было полно белых пятен. Дыра на дыре, странность на странности. Заказчик, страшщийся разоблачения. Бред какой-то.

– Позвоню Рите еще раз, – нетерпеливо сказал Илюшин и вышел.

Сергей придвинул к себе разлохмаченную стопку листов. Выдернул первую попавшуюся страницу и стал читать, сказав себе, что один раз уже ошибся в оценке происходящего. Похоже, что Макар был прав. Это выяснится очень скоро. Издатель доберется до офиса и сообщит, Юренцов ли стоит за псевдонимом «Варфоломеев» или кто-то другой.

Бабкин от всей души надеялся на второй ответ. Потому

что если Макар с его дикой версией попал в точку... История вырисовывалась мутная, громоздкая и нехорошая.

Беда в том, что по пальцам одной руки можно было подсчитать случаи, когда Илюшин ошибался. Поразительное чувство не раз приводило его к таким выводам, которые Бабкин отказался бы даже рассматривать всерьез, – если бы речь не шла об идеях его друга. Когда-то он согласился работать с Макаром именно потому, что его поразило сочетание интуиции, энергичности и ума. По сравнению со стремительным Илюшиным, который быстро соображал, принимал решения и мгновенно действовал, Бабкин казался себе чем-то вроде деревенского трактора рядом с гоночным автомобилем.

«...Он шел по безлюдной парковке среди пыльных машин. Ветер отчаянно свистел, гнулись деревья. Из-под капота выкатился ярко-синий детский мячик.

Штормовое предупреждение. Утром объявляли по радио, а он не обратил внимания.

Невдалеке показалась девушка. Она шла ему наперерез. Желтый плащ развевался на ветру. Пышная юбка путалась у нее в ногах. В фасоне высоких ботинок на шнуровке было что-то, наводившее на мысль о гардеробе ее бабушки. Белокурые волосы до плеч уложены жесткими волнами. Она выглядела как ожившая фотография тех времен, когда цветную пленку было не достать ни за какие деньги.

Он остановился и смотрел ей вслед.

– Эй! Все в порядке?

Ветер заглушил его слова.

Она его не слышит. Ладонь обожгло прикосновением металлического холода.

Пискнула сигнализация. Ее машина – красный “Рено Логан”. С зеркала заднего вида свисает маленький кубик Рубика. Он смотрел. Она села в машину, но не вставила ключ в замок зажигания. Глаза ее выкатились, она закричала, потом захрипела и осела, пытаясь свернуться, как зародыш.

– Эй, что с вами?

Он понял, что она без сознания. Ее голова упала на грудь. На пышной юбке расплывалось пятно. Плащ грязен справа. Он поднял ее за подбородок, но ее голова была как чугунная.

– На помощь! – закричал он. – Помогите, человеку плохо!

Он вытащил ее из машины, положил на асфальт. Через ее тело перекатился детский мячик. Она ничем не отличалась от него. Она была неживая.

Вокруг нарастал шум ветра.

– Господи, – взмолился он, – не дай мне потерять ее! Помоги мне! Я ничего не умею, но научи меня, как победить смерть! Если не я, то кто сделает это?

Ветер взвыл, и все исчезло».

– Если это хороший стиль, что ж тогда плохой, – процедил Бабкин.

Напомнил себе, что читает не книгу. «Шифр», – сказал Макар.

Пробегаю по строчкам быстрым взглядом, откладывая в

сторону страницу за страницей, где описывались любовные страдания героя и его постепенное перерождение в ангела, Бабкин дошел до следующей сцены спасения.

«Он столкнулся с ним в очереди в кассу и сразу почуял неладное.

Мужчине на вид было чуть меньше пятидесяти. Небрит, пузат, слегка навеселе. Он излучал оптимизм и жизнерадостность хорошо поработавшего человека, от него разило душноватым ликованием животного, чуждого путешествиям духа. В корзине отливали зеленым стеклом пивные бутылки.

Пузан балагурил с продавщицей, рассчитываясь за пиво, а он не сводил с него взгляда, выкладывая на ленту покупки для нехитрого ужина: творог, сметана, мешок развесных конфет... “Но ведь и он человек, и он!” Что с того, что чешет языком и мерзок необъяснимой мерзостью; в нем дух, в нем свет, в фиале должен свет быть сохранен.

Грядет несчастье.

Зимний ветер в мае – предвестник! И зеленая россыпь блеска в корзинке из супермаркета – предвестник!

Его качало, но он последовал за мужчиной, держась в отдалении. Что ждут от него? Вот-вот покупатель пива вернется домой, и там – что? Инфаркт? Пьяный сосед с ножом? Скользящая поверхность ванны?

Дворы, переходы, жирные коты на подоконниках, дети в колясках со строгими нездешними личиками.

Все наполнено сознанием, думал он, весь мир, каждая травинка... Все живое. Он ощущал величие жизни, как никогда прежде. Зачем ангелы, когда есть человек? “Мы можем все”. Эта мысль наполнила его спокойной горделивой уверенностью, оттеснив голос тревоги.

Вдруг под ноги ему кинулся краснорожий мужик в тюрбане. Он плясал и дергался, как паяц на рыночной площади, и совал ему в зубы карточку с вязью, вился вокруг мелким бесом, выкрикивал: “В кафе ‘Зурна’! Только сегодня! Всем достанется даром еды и вина!”, мучил его воплями и пошлой рифмой, пока он не остановился в гневе и не обернулся к нему. Тогда бес спрятался под своим тюрбаном, как червь под грибом.

Но бесявый украл его время! Вор, вор!

Он заметался по двору, ища своего, потерянного. Увидел вдалеке: пузан набрал код и тянет на себя подъездную дверь. “Ангелы!” – воззвал он о помощи, и с небес упал неслышимый ответ: “Ты сможешь сам”. Он вмиг преодолел расстояние легко, будто скомкал фантик пространства в ладони, и вошел за мужчиной уверенно, как если бы жил здесь.

Зрение отделилось на миг, он увидел их со стороны: двое с одинаковыми пакетами из одного и того же магазина. Близнецы. Но смерть коснулась одного, ее зловоние обжигало.

Идут, идут, идут. Толстяк возле лифта покачнулся, будто его толкнули, и прилег на стену виском.

“Ангелы, хватит ли сил у меня?” Небеса молчали. Он пе-

рехватил толстяка. Брызги были повсюду. Из-под треснувшего стекла лилось и пенилось пиво, смешиваясь с кровью. Выпей из моего кубка. Год назад он был бы бессилен, но время и любовь изменили его: он стал другим. Тень возлюбленной распахнула крылья, когда он склонился над упавшим и положил ладони крест-накрест на его грудную клетку, готовясь к спасению».

Сергей отложил страницы в сторону, борясь с желанием отшвырнуть их, как скорпиона или тарантула. Пришедшее на ум объяснение было бредовым, немыслимым... Но оно вполне соответствовало происходящему.

– Макар, – позвал Бабкин.

Илюшин появился в дверях.

– Мы едем в издательство, – озабоченно сказал он. – Похоже, у «Амины» есть что нам сообщить...

– Макар, подожди!

Илюшин поднял на него взгляд.

– Что такое?

– Я, кажется, сообразил...

Сергей помедлил. Он не успел ознакомиться с историей третьего спасения, но с первыми двумя картина складывалась до того однозначной, что он не понимал, отчего Илюшин не заметил этого сам. «Дело в том, что Макар – хороший читатель, а я – плохой». Плохим читателям иногда видно больше, чем хорошим, потому что они не вовлечены в ис-

торию.

Илюшин присел на подлокотник дивана, выжидательно глядя на напарника.

– Это не спасение, – сказал Сергей. – В книге описаны убийства. Девушка умерла от ножа, мужчина в подъезде – от сильного удара в висок. Про старуху не могу сказать, я пока не дочитал до нее.

Не так часто ему удавалось удивить Илюшина, а потому в следующую минуту Бабкин испытал нечто вроде мрачного удовлетворения. Пусть он не помог с шифром, но хотя бы с книгой от него был какой-то толк.

Несколько секунд Макар смотрел на него, широко раскрыв глаза, а затем, не издав ни звука, схватил последнюю страницу, отложенную Бабкиным, и впился в нее взглядом.

– Офигеть, – только и сказал он, дочитав до конца. Бабкин выразился бы куда крепче, но Илюшин на его памяти ни разу не выматерился. – Это объясняет, что именно понял Юренцов и почему зашифровал в рисунке «Эти истории придумал не я».

– Угу. Это не выдуманные истории, а реальные.

– В том-то и дело! Слишком много деталей, и они описаны непосредственным участником событий. – Илюшин понемногу успокаивался. – Урок на будущее: всегда, когда считаешь, что имеешь дело с чьей-то бедной фантазией, стоит задуматься, не является ли она в действительности богатой реальностью. Вот наш мотив, Серега! Едем в издательство.

Со старухой разберемся по дороге.

Бабкин полагал, что на поездке в «Амину» все закончится. Их примет главный издатель, которому они преподнесут историю с двойным дном романа, и дальнейшее разбирательство завертится без них. Фамилия юренцовского соавтора известна. Убийство будет раскрыто очень быстро.

Все сразу пошло не так.

Они остановились возле длинного серого здания, похожего на заброшенное заводоуправление. За грязными окнами высились стопки книг.

На проходной их встретила женщина, представившаяся Яной. Высокая, смуглая, с резкими чертами лица, она говорила четко, как учительница младших классов.

– Варфоломеевым занимаются Стивен и Филя... То есть Фил. – Она быстро вела их за собой по коридорам и лестницам, изредка оборачиваясь к сыщикам. – Там не совсем очевидная ситуация, но вы с ними на месте разберетесь. Они ждут, я их предупредила. Конечно, все потрясены гибелью... – Она запнулась, но нашлась: – ...одного из наших авторов.

«Стивен и Филя, – фыркнул про себя Бабкин. – Что еще за «Спокойной ночи, малыши»?»

– Я, к сожалению, больше ничем не могу вам помочь, – говорила Яна. – Я не работаю с авторами напрямую, у меня другая сфера. Но Стивен с Филей... – она произнесла это

в одно слово, как экзотическую фамилию: *Стивенсфилей*, – окажут вам полное содействие. Полное, – подчеркнула она.

На этом уточнении Бабкина охватили дурные предчувствия. Его уже утомили бесчисленные коридоры, повороты, лестницы, переходы, перила и фикусы. Навстречу им кидались дамы в серебре и янтаре, распахивались двери, и он понемногу зверел от бесконечного движения, которое к тому же должно было привести к каким-то мультипликационным персонажам. Где, черт возьми, главный издатель? Почему он не встречается их с коньяком, рассыпаясь в благодарностях?

Область абсурда, в которой они оказались под песни ангелов, все не заканчивалась.

Наконец они остановились перед дверью. Вместо таблички на ней красовалась царапина. Не постучавшись, Яна открыла и пропустила сыщиков внутрь.

– Фил, Стивен, это господа из сыскного агентства.

Подозрения Сергея насчет мультипликационных персонажей немедленно подтвердились. Стивен и Фил походили на двух постаревших телепузиков, отрастивших бороды. Один за другим они протянули вялые ладошки для знакомства и предложили гостям присаживаться. Яна исчезла.

Фил носил очки, Стивен – брекететы для исправления прикуса. У Фила от кисти до плеча был витатуирован тигр, у Стивена – иероглифы и роза. В рыжеватой бороде Фила проглядывала косичка. Бородка Стивена была выстрижена узким клинышком, как у Троцкого. С точки зрения Бабки-

на, перед ним сидели два клоуна. Эту породу толстощеких молодых мужчин со скошенными подбородками он понимал очень плохо. Они отдыхали на Гоа, занимались шивананда-йогой, пребывали в моменте, сидели на ферме и не позволяли никому нарушать свои границы. Рядом с этими бородатыми котятками Бабкин чувствовал себя старым брюзгой.

Разговор повел Илюшин. Илюшин любил котят.

– Вчера погиб один из ваших авторов...

– Это шок, – скорбно сказал Фил. – Это реально шок.

– Я все утро пытался отрефлексировать негатив, – признался Стивен. – Но не смог... Мне тупо не хватило ресурса. Как такое могло произойти? Откуда в людях столько зла?

Бабкин как раз обдумывал, можно ли взять этих двоих за шкуру и столкнуть лбами.

Макар не дал сбить себя негативом.

– У Юренцова был соавтор. Кто это?

Стивен и Фил замялись. Затем Стивен понес что-то о тайне литературной деятельности и о том, что издательство стоит на страже прав своих авторов, а также их прайвеси и полной конфиденциальности договора...

– Вы что, не знаете соавтора Юренцова? – спросил Макар, прищурившись.

Котятки заматались.

Илюшин прижал их к стенке, пригрозив, что продолжит этот разговор в кабинете их непосредственного начальства. Это совершенно не его дело, сказал он, – разбираться в при-

чинах, по которым ему препятствуют в расследовании. Пусть в них погружается Андрей Викторович.

Бабкин понятия не имел, кто такой Андрей Викторович. Однако после этого краткого вразумления беседа потекла куда живее.

Выяснилось следующее.

Полгода назад в издательство обратился человек – «представитель клиента», как назвал его Стивен. Клиент планировал напечатать книгу за собственные деньги и оплатить рекламную кампанию. Этого Шурика передали в отдел Стивена с Филом, которые как раз занимались подобными проектами.

– Почему Шурика? – не удержался Сергей.

– Потому что святой человек со всеми удобствами, – объяснил Фил, порозовев.

Иметь дело с клиентом, на которого не нужно выделять бюджет, приятно и необременительно.

Заказчик пришел с готовыми идеями. Ему требовался наемный писатель, рабочая лошадка, которая преобразует замысел в текст. Фамилий лошадок не ставят ни на обложках, ни на титульных листах; безымянные, тащат они плуг, взрыхляя чужое поле. Прежде их называли литературными неграми, однако Стивен с Филом при упоминании негров задержались и сообщили, что они против n-word в любых его вариантах.

Заказчик выдвигал два требования.

– Он должен находиться в постоянном контакте с писателем, – сказал Стивен.

– Но все общение строго анонимно, – добавил Фил. – Через переписку.

Они предложили кандидатуру Олега Юренцова.

Юренцов был тихий застенчивый человек, которому идеально подходили оба условия. Он заикался. Общение лицом к лицу давалось Юренцову мучительно. Он избегал любых коммуникаций, включая общение с продавцами, и все необходимые товары заказывал через Интернет.

При этом он никогда не срывал сроки.

На слове «никогда» Илюшин поднял брови.

– Сколько раз вы его нанимали?

– С проектами – около десяти...

Юренцов сотрудничал с издательством на протяжении пяти лет. Был исполнителен. Переделывал тексты столько раз, сколько требовалось, если заказчик был чем-то недоволен. Соглашался на мизерную оплату. По-видимому, не имел значительных писательских амбиций. Во всяком случае, он никогда не обращался к Стивену и Филу с просьбой посодействовать в опубликовании его собственной книги.

– Реально светлый человек, – печально сказал Фил.

Три месяца назад он явился в издательство в страшном возбуждении. «Без предварительной договоренности!» – осуждающе заметил Стивен. Юренцов заикался сильнее обычного, брызгал слюной и размахивал руками. Они так ис-

пугались, что подумывали вызвать охрану, но в конце концов разобрали, чего он хочет.

Юренцов требовал назвать ему имя заказчика.

– Все было нормальненько. Что с ним случилось? – недоумевал Фил.

Быть может, они и пошли бы ему навстречу в нарушение всех внутренних правил издательства. Однако имени заказчика ни Стивен, ни Фил не знали сами. Все общение велось через юриста.

– А юриста вы ему сдали? – спросил Сергей.

Нет, имя юриста сохранили в тайне. Юренцов ушел ни с чем.

Бабкин с Илюшиным переглянулись.

– После этого он сообщил вам, что хочет включить в книгу одну иллюстрацию, – предположил Макар.

Теперь переглянулись Стивен с Филом.

– Да... – удивленно подтвердил первый. – Это незначительно удорожало стоимость тиража, и заказчик выразил согласие.

– Олег круто рисовал, – вдруг сказал Фил. – Мог бы стать знаменитым художником. Я хочу сказать, что это такой человек, перед которым были открыты все пути...

«...а уперся в тупик, где сидели вы, кретины», – про себя закончил Бабкин.

– Были еще какие-нибудь эксцессы с ним? – спросил Макар.

Оба помотали головами. Больше он не приходил и не звонил. Заказчик присылал ему с анонимного почтового ящика сюжет очередной главы, Юренцов спустя некоторое время отправлял готовый текст, они совместно правили его и двигались дальше.

Вскоре книга была готова.

С иллюстрацией на предпоследней странице.

Дальше рассказ Стивена с Филом опять утратил связность. В нем замелькали «непростые обстоятельства» и «факт контрагентов».

Бабкин понял из их объяснений одно: эти двое сорвали рекламную кампанию. По замыслу заказчика, книгу должны были издать к сентябрьской книжной ярмарке – ежегодному мероприятию, собиравшему десятки издательств и тысячи покупателей. «Песни ангелов Московской области» были бы выложены на стенде «Амины» среди новинок и бестселлеров. Вторым аккордом грянула бы рекламная кампания – и за месяц книга была бы раскуплена. Стивен нехотя признал, что это грамотный подход. Либо заказчика кто-то консультировал, либо он сам имел отношение к книжному бизнесу.

Но рекламу не подготовили. Книгу выпустили с опозданием на неделю, профукав ярмарку. А теперь, когда весь тираж выкуплен, заниматься продвижением бессмысленно, поскольку продвигать попросту нечего.

В этом месте Бабкин посмотрел на Стивена и Фила очень внимательно. Если бы не прочитанный утром жутковатый

текст, он сказал бы, что избавиться от книги выгоднее всего было этим двум обалдуям.

– Что произойдет со средствами, выделенными заказчиком на рекламную кампанию? – спросил Макар.

– Это будет согласовываться на другом уровне, – появившись, ответил Стивен и кивнул на потолок. – Подключится юридический отдел, чтобы подтвердить обоснованность...

– Спасибо, я понял, – остановил его Илюшин. – Мне нужны все данные юриста, который подписывал с вами договор от имени клиента.

Стивен и Фил сказали, что они могут предоставить эту информацию только после согласования со своим начальством.

– Согласовывайте, – не стал спорить Макар.

– Это займет некоторое время, – снисходительно заметил Стивен.

– Ничего, мы подождем.

– Около недели, – уточнил Фил.

Бабкин, чье терпение лопнуло, молча поднялся. Он не собирался применять к этим клоунам методы физического воздействия и даже не планировал их пугать, он лишь хотел выйти в коридор, чтобы посоветоваться с Илюшиным.

Пять минут спустя они покинули издательство. В кармане Макара лежал листок с данными юриста.

– Нужно связаться со следователем, который ведет дело Юренцова, – сказал Сергей, когда они сели в машину. – У

нас полно информации. Пора делиться.

– Сразу после встречи с юристом, – пообещал Макар.

– Если этот тип вообще согласится с нами разговаривать.

– Если откажется, сдадим его следователю. Пусть разбираются без нас. Но я хочу посмотреть на человека, который представлял интересы убийцы.

Сергей построил маршрут до офиса юриста.

– Какое у него отчество? – спросил Илюшин, набиравший номер на телефоне.

Бабкин взглянул на свои записи.

– Семенович. Лев Семенович Котляр. Пристегнись!

Лев Семенович не отвечал на звонки. Макар упорно продолжал дозваниваться, так что в конце концов Бабкин предупредил, что Котляр занесет его в черный список как оголтелого спамера.

– Может, он в суде. Или обедает. Который час?

– Двенадцать без пяти.

– Самое подходящее время. – Сергей вспомнил, что, кроме худосочной яичницы из двух яиц, больше ничем не завтракал.

– Поговорим с Котляром – отведу тебя в кафе, – великодушно пообещал Илюшин.

– Только с человеческой едой, а не китайской!

Они свернули с проспекта и оказались в жилом квартале. Бабкин вел машину на малой скорости, одним глазом наблюдая за детьми на самокатах, которые катились параллельно

ему по тротуару, обгоняя друг друга и то ли дурачась, то ли ссорясь всерьез.

— А что это мы тащимся? — недовольно осведомился Макар.

— Куда нам торопиться?

— Похоже, вон в той «свечке» его офис... — начал Илюшин, вытягивая шею.

Один из мальчишек с силой толкнул приятеля. Самокат вильнул, накренился и вместе с владельцем вылетел на проезжую часть, под колеса «БМВ».

Бабкина спасла реакция. Он ударил по тормозам в тот момент, когда самокат начал произвольное движение по тротуару. «БМВ» дернулся, их обоих бросило вперед. Спустя десять секунд тишины, показавшихся Илюшину бесконечными, из-под переднего бампера раздался громкий рев.

В следующие две минуты Сергей действовал с изумительным спокойствием. Позже Илюшин вспоминал, что размеренные отточенные движения его друга напоминали танец.

Бабкин включил аварийку, отстегнул ремень и выбрался наружу. Вытащил мальчика, поставил его перед собой, не обращая внимания на собирающихся вокруг зевак и охающих бабок, перемещавшихся, на взгляд Макара, либо со сверхзвуковой скоростью, либо силой мысли, потому что минуту назад ни одной бабки в радиусе пятисот метров он не наблюдал.

Ребенка, который от ужаса перестал реветь и тарашил на

него глаза, Сергей ощупал со всех сторон. Поднял неповрежденный самокат, лежавший в метре от бампера, и перенес на тротуар, где стояли остолбеневшие приятели упавшего. А затем, к восторгу Макара и ужасу свидетелей, взял за ухо того, кто толкнул приятеля, и приподнял.

Макар оценил точность выражения «орет как резаный». Если бы он не видел происходящего, он поклялся бы, что ухо ребенку пилили тупым ножом. Свидетели нерешительно выражали протест. Бабки вразнобой выкрикнули: «Полиция!» Подвыпивший старичок выкрикнул: «Пороть!»

Бабкин, держа жертву цепко и неумолимо, что-то размеренно говорил, наклонившись к его голове. Илюшин многое бы отдал, чтобы услышать эту речь. Но в будущем Сергей наотрез отказывался повторить ее или хотя бы изложить краткое содержание, хотя Макар обещал все сокровища земные и даже предлагал в заложники собственное ухо.

Закончив внушение, Бабкин разжал пальцы. Мальчишка выпал на асфальт и остался сидеть, прижав ладонь к распухшему уху.

Сергей обернулся к оставшимся в стороне детям. Несомненно, он собирался призвать их к осторожности и посоветовать беречь себя и товарищей. Однако его благому намерению не суждено было исполниться. Побросав самокаты, дети кинулись прочь.

Тот, кого вытолкнули на проезжую часть, посмотрел им вслед, вытер нос пальцем, палец вытер о штаны, встал на са-

мокат и неторопливо покатился дальше.

Бабкин сел в машину. Достал влажную салфетку. Посмотрел на Макара.

– Пристегнись.

«БМВ» медленно тронулся с места.

Некоторое время в машине стояла тишина. Но опция «сочувственное молчание» была выдана Илюшину в тестовом режиме: его хватало на полторы минуты.

– Бедное дитя! – с лицемерным состраданием начал Макар, когда полторы минуты истекли. – Сможет ли ребенок отрефлексировать негатив, полученный от тебя, или ему придется жить с этой травмой до конца...

Он собирался и дальше продолжать в том же духе, но Бабкин свернул в соседний двор, и Илюшин замолчал.

Перед ними возвышался жилой дом, на первом этаже которого, если верить данным издательства, находился офис юриста Льва Котляра. Вместо окон были три страшных черных проема с языками копоти на внешней стене. На земле лежали сорванные решетки, издалека похожие на расчерченное поле для игры в классики.

Сыщики вылезли из машины и остановились перед пожарищем.

– Вообще все выгорело, – после долгого молчания сказал Сергей. – Напрочь.

Внутренности квартиры были дочиста обглоданы огнем. Илюшин искал, за что зацепиться взглядом, – спинка шкафа,

уцелевшая полка, — и не находил.

Он задержал идущую в подъезд женщину с хозяйственной сумкой.

— Простите, пожалуйста, когда случился пожар?

— В три часа ночи я на пульт позвонила, — ответила та, не задумываясь. — В это время уже полыхало вовсю. Тем, кто на втором, не повезло. Мы-то на пятом, к ним огонь раньше сунулся... Но они в отпуске все. Вот радости-то людям: вернуться — а стекла полопались...

Она сказала об огне «сунулся» как о невоспитанном человеке или животном.

— А владелец офиса? — спросил Макар.

— Погиб Лев Семеныч. Вы его знали?

— Мы приехали к нему по делу...

— Он внутри был, когда все загорелось, и выбраться не смог. Видите решетки? Они не снимались. Намертво были приварены. Это еще прежний владелец поставил... Спасатели сказали, от них даже ключа не было. Когда их сорвали... — Она махнула рукой. — Все, уж поздно было.

— О причине пожара известно?

— Ну, нам-то разве кто что скажет! Слава богу, эвакуировали всех быстро... Хорошо, ночь теплая была, мы до утра считай, на вон той площадке топтались. — Она махнула куда-то в сторону. — Тут лентами все обтянули, а ребятишки, поганцы, посрывали.

— Кроме Льва Семеновича, кто-нибудь пострадал?

– На третьем этаже две сестры дымом надышались. Они старенькие, еле шли... А дым валил такой, что страшно смотреть! Их в больницу отвезли, только вот не знаю, в какую.

Макар поблагодарил ее и пошел к машине.

Глава 6

Татьянин день

Новость о том, что Галина Ежова погибла, наевшись отравы, разлетелась мгновенно. В поселковом чате и при встречах все обсуждали случившееся. Выдвигались разные версии, но постепенно стала преобладать одна: Ежова обезумела и подсыпала яд себе и соседу-любовнику.

Остатки пирога отправили на экспертизу. В крови отравившихся были обнаружены токсичные алкалоиды, вызывавшие у Ежовой остановку дыхания.

А к вечеру следующего дня появилось важное уточнение. Мы уже догадывались об этом, но остальные узнали только теперь.

В начинке пирога нашли семена и измельченные листья болиголова.

Основная версия претерпела изменения. Ежова подсыпала яд *всей семье* своего любовника, а затем покончила с собой. Именно Галя принесла отравленный пирог. За это объяснение крепко держалась самая активная и в то же время бестолковая тетка из поселка, громкая, говорливая и чрезвычайно глупая.

Однако здравый смысл понемногу возобладал. Ежова пользовалась репутацией доброй и спокойной женщины, и

один за другим начали раздаваться голоса в ее защиту.

Люсин плот изгоя развернуло на сто восемьдесят градусов. Из парии, которую Ульяна собиралась гнать погаными тряпками, она превратилась в героя дня. Если бы не ее выходка, пирог ели бы все, включая детей.

От этой мысли у меня мороз пробежал по коже. Между Ежовой и Харламовыми постоянно происходил добрый соседский обмен: огурцы, кабачки, пироги и торты, не говоря о наливках, перемещались туда-сюда, сопровождаемые благодарностями и рецептами. Люся поливала цветы в отсутствие Ежовой. Галя присматривала за участком, когда Харламовы уезжали. Мы все тепло относились к соседке, хоть и подшучивали над ее экспериментами с травами. Галя обожала выращивать пряности. Она лечилась корешками, растирала семена, сушила веточки и цветы, – ни дать ни взять маленькая девочка, играющая в огромном саду в доктора, повара или фею.

И вот фея мертва.

Я позвонила Ковальчуку, вкратце рассказала, что произошло.

– Я поговорю с Романиди, но поездку в Нижний придется отложить, пока отец Ильи не поправится.

– Конечно, Танечка, конечно! Если нужно, я сам поеду. Присматривай за семьей.

После долгого разговора с нашим инвестором я заглянула к Люсе. Варя стояла у постели, поправляя капельницу.

Варвара для меня – феномен. В обычной жизни она вздорная, неумная девица со склонностями к истерикам и беспричинному вранью. Но в ипостаси медсестры Варвара преображается. Она становится терпелива, уравновешенна и деловита. С пациентами она ласкова, но в то же время тверда. У нее необычайно легкая рука: ее уколы не замечает даже моя Ева, боящаяся любых медицинских манипуляций.

Общаясь со мной, старшая сестра моего мужа не может удержаться от злобных колкостей. «Какое прелестное платье! Только лицо у тебя для него старовато, это для юных девушек». Но когда я потянула лодыжку, споткнувшись на крыльце, Варя изо всех сил выражала мне сочувствие, не переставая обкладывать мою распухшую ногу пакетами с замороженными овощами, а затем отправила Илью за обезболивающим. А вот свекор первым делом бросился проверять, не повредила ли я ступеньку.

– Люся, как ты?

Я села на кровать и положила ладонь на ее запястье.

С первого взгляда было видно, что Люся не празднует победу. Конечно, она радовалась, что ей позволили остаться, но лицо у нее было заплаканное, и я знала, что тому причиной. Они с Галей Ежовой были приятельницами.

– Бедная Галочка, – проговорила Люся. – Какая нелепость, надо же... Я постоянно вспоминаю те мои слова... Это ведь было не всерьез. На самом деле я вовсе так не думала!

Она умоляюще посмотрела на меня.

Хобби Ежовой было предметом шуток в семье. Однажды Люся сказала, что когда-нибудь, видит бог, Галя отравится либо собственной настойкой, либо собственной стряпней.

Так оно и случилось.

– Как Витино самочувствие? Ох, несчастный Витенька, как ему не повезло...

Я подумала, что если бы Витенька не подбирал еду, как свинья, с пола, сейчас с ним все было бы в порядке. И сразу обругала себя за злобные мысли. Хотя после истории с морковным соком избавиться от них не легче, чем собаке сбросить кусачую блоху.

– Утверждает, что еще слабоват, но это потому что аппетит к нему окончательно не вернулся. Чувствует он себя нормально.

– Где он сейчас? Лежит?

– Возится в саду с Антоном и Евой.

Насколько скверный отец получился из Харламова-старшего, настолько же он прекрасный заботливый дедушка. Он обожает наших детей. Может часами играть с ними. Песочница с фанерным замком, которую он соорудил для них три года назад, – настоящее произведение искусства.

Он готов бесконечно сидеть с Антошкой и Евой над сказками, по дурацкой привычке загибая уголки прочитанных страниц. То, что он сам покупает детям, чудовищно: аляповатые сборники бездарных стишков или морализаторских басен. Я потихоньку заменяю их книгами, которые выбираю

сама. Вряд ли Виктор Петрович это замечает. Поразительным образом сюжеты, тексты, иллюстрации ускользают из его сознания; он не знает наизусть ни одного детского стихотворения, хотя читал их вслух много раз.

– Сестре позвонили? – спросила Люся.

Единственная родственница Галины, ее двоюродная сестра, живет во Владивостоке.

– Илья с ней разговаривал. Она сможет прилететь только через неделю.

Люся помолчала.

– Это точно из-за пирога?

Я молча кивнула. Да, из-за пирога. Нас опрашивал следователь, записывал незначительные, на мой взгляд, детали: во сколько пришла Галя, что она сказала, как выглядела, как себя вела. Какая разница! Она вчера поставила в вазу букет из калиновых веток и показывала мне фотографию на своем телефоне: «Танечка, оцени мой осенний натюрморт!» – а сегодня ее нет.

Уходя, следователь подтвердил то, что мы и так уже знали.

Болиголов. Одно из самых ядовитых растений в округе.

Галя, по своему обыкновению, собирала в лесу целебные травы и ошиблась с определением одной из них.

– Я всегда знала, что это плохо кончится!

Ульяна бросила взгляд сквозь кухонное окно на мужа, медленно бродившего по двору. За трое суток он похудел и

осунулся.

– Играла Галя в знахарку, играла – и доигралась. – Она перекрестилась. – Утром я зашла к ней, прибралась немного, забрала ключи от нашего дома. Мало ли, шастают всякие... Евка со мной напросилась. Любопытная такая, все там излазила.

Я бы не разрешила своей дочери идти в дом умершей женщины, хотя бы из уважения к покойной. Это не то место, где следует удовлетворять детское любопытство. Но говорить об этом свекрови бесполезно, да и поздно.

– Пока ты трепалась, я и полы помыла у Гали, и цветы полила...

Трепалась – это разговаривала с заказчиком.

За окном показался Григорий.

– Варвара ему позвонила, попросила приехать, – сказала Ульяна Степановна, перехватив мой взгляд. – Заботится он о ней! Молодец!

У меня от Варвариного жениха странное ощущение. Он кажется мне недостроенным зданием, в котором, однако, кто-то живет. Коммуникации не подключены, в окнах нет стекол, но внутри заметны шевеление, копошение, суета.

Не знаю, чем это объяснить. Он хорошо относится к Варваре, помогает Виктору Петровичу и играет с ним в карты. Я заметила, что у него есть редкая способность – угадывать желания окружающих. Я в семье Харламовых пользуюсь слабой молчуньи – и он, оставшись со мной, никогда не болтает

попусту. Ульяна Степановна любит обсудить сериалы, и Гриша способен составить ей компанию. Одно время я думала, что Варвара его подготовила. Но как-то задала ей наводящий вопрос, и по ее недоуменному взгляду поняла, что это ей и в голову не пришло.

Отчего-то эта его вежливая подстройка не успокаивает меня, а настораживает. Она напоминает мне деликатный взлом.

А вот Илья, например, считает Богуна славным открытым парнем, всегда готовым обсудить футбол и автомобильные гонки. Люся в нем души не чает. К моему удивлению, он с первой встречи проникся к ней теплыми чувствами. Казалось бы, чем старушка может быть интересна парню тридцати с небольшим лет? Однако Гриша прогуливается с ней под руку по саду и привозит для нее лакомства, которые она любит: клюквенную пастилу без сахара и какие-то особенные трюфели.

Это подкупает.

Он упоминал, что его воспитывали мама и бабушка. Мать была строгой, бабушка – ее противоположностью во всем. Она потакала мальчику и баловала его. Может быть, Гришина расположенность к Люсе – отзвук раннего сиротства.

За дверью показался Илья, махнул мне коротко рукой.

– Таня, я сгоняю папе за лекарством, – сказал он, когда я вышла. – В магазине что-нибудь нужно?

– Вроде бы нет. А, дети просили мороженое. В местный

безлактозного не привозят.

Я стала вспоминать, какую именно марку предпочитает Ева, и слышала оживленный голос свекрови. Кто-то позвонил ей по телефону, едва я вышла.

– ...Светик, Витя уже дома. Вчера забрали... Ох, и не говори!..

Илья шагнул к двери.

– ...лучше, слава богу! Если бы не Илюша, не знаю, что бы я делала, честное слово! На него столько всего свалилось! Он и у Вити в больнице дежурил, и с врачами договаривался, и меня утешал – все на нем! Девчонки тоже молодцы... Но, знаешь, Светик, все-таки главная опора женщины – это сыновья! Наше счастье в наших мальчиках!..

Я вижу лицо своего мужа и не знаю, чего мне хочется больше: то ли дать ему оплеуху, то ли заплакать от жалости. В который раз мне приходит в голову, что из троих детей среднего искалечили сильнее остальных.

Ульяна Степановна продолжает какой-то малозначительный разговор, и выражение неуверенного счастья понемногу тает в глазах Ильи. Но он все еще стоит, непроизвольно выпрямившись.

Мамочкина опора.

Папочкина надежда.

Я не смею сказать ему, что это спектакль, разыгранный специально для него.

Вот так это и работает.

Кнут и пряник. Для каждого из детей – персональный комплект.

Именно поэтому Ульяна на дух меня не переносит: в моем случае ей не удалось подобрать ни пряника, ни кнута. Она не в силах разгадать жену собственного сына. А все, чем ей не удастся управлять, вызывает в ней страх и злость.

Старатель – и тот не ищет золотую жилу с такой страстью, с какой Ульяна искала мои болевые точки. Тыкала и наугад, и хорошенько подготовившись. Самое большое ее потрясение случилось, когда она обрушила на меня, как ей казалось, Пизанскую башню.

Медовый голос свекрови до сих пор стоит у меня в ушах.

«Но, Танечка, в гибели твоей бедной мамы есть ведь и твоя вина».

Меня должно было завалить обломками. Вместо этого я выбралась наружу – ни дать ни взять Чудо-женщина, – отряхнула пыль и попросила передать соль.

Ульяна онемела. Будучи человеком, начисто лишенным самообладания, она не распознает его и в других. До конца того знаменательного обеда свекровь не проронила ни слова. Исключительное событие!

С тех пор она стала относиться ко мне с еще большим подозрением.

И, конечно, свекровь никогда не простит мне, что ее муж вынужден был извиняться передо мной. А ведь ситуация яйца выеденного не стоила! Подумаешь – морковный сок.

... Илья уехал, а я отправилась искать детей.

Антоша сидел на коленях у дедушки на скамейке под яблонями и что-то оживленно ему рассказывал – должно быть, опять про богатую внутреннюю жизнь аллигаторов. Евы в саду не было.

– Мам, она в дом убежала! – пискнул Антон.

Я отыскала дочь в маленьком чулане на втором этаже. Дети никогда не забираются в эту комнатку. Если бы не просачивавшаяся из-под двери полоска электрического света, я не додумалась бы заглянуть туда.

Но Ева сидела там, скрючившись между пылесосом и гладильной доской.

– Милая, что ты делаешь?

Она вздрогнула и резким движением спрятала что-то за спину.

Я уважаю право детей на тайну. Мой муж и его сестры росли в убеждении, что иметь секреты от родителей преступно. Секрет – это без пяти минут ложь, а солгать папочке и мамочке – страшный грех. «Если ты мне врешь, я тебя никогда не прощу», – повторяла Ульяна раз за разом. Вколачивала в них мысль о кощунственности любой попытки утаить что-то от родителей. Нужно ли говорить, что в подростковом возрасте все трое виртуозно лгали, изворачивались и придумывали самые сложные конструкции по самому пустяковому поводу.

– Оставить тебя одну? – очень серьезно спросила я у Евы.

Мне показалось, в руках у нее блокнот. Может быть, Ева начала вести дневник?

– Да... Нет... Мамочка!

Она вдруг разрыдалась.

– Так-так-так, – сказала я, пробираясь к ней. Мне в спину уперся гофрированный хобот пылесоса. – Иди-ка сюда, улиточка. Что случилось?

Ева уткнулась мне в плечо и долго всхлипывала. Терпеливо ожидая, пока она успокоится, поглаживая ее по голове, я решила, что причина в смерти соседки. Да и болезнь дедушки испугала ее...

– Я не хотела, – наконец, проговорила Ева. – Мам, это как-то само получилось...

– Что получилось?

– Ты не будешь ругаться?

– Пока не знаю, – честно сказала я.

– Пообещай, что не будешь!

– Обещать не стану, но постараюсь.

Моя хитрая детка первым делом пытается выторговать себе безопасность.

Она посопела. Но мои дети знают, что я их не обманываю.

Еще раз шмыгнув носом, Ева вытащила из-за спины то, что прятала от меня.

Это была толстая тетрадь в клеточку. На обложке нарисована корзинка, увитая цветами, из которой высовываются три до сахарности умильных котенка с улыбающимися мор-

дочками. Словно художнику было мало всей этой патоки, он щедро рассыпал вокруг корзинки облачко блесток. Котята сияли и переливались.

Раскрыв тетрадку на первой странице, я увидела аккуратно написанное от руки: «Черемуховый торт». И ниже – рецепт. Сбоку от рецепта кто-то карандашом нарисовал цветущую ветку.

Следующая страница – безе «Павлова». Еще одна: «Дивная баклажановая икра в микроволновке», и в скобках: *(рецепт Д. С. из ФБ)*.

Кто бы ни вел эту тетрадь, это был взрослый.

– Ева, где ты ее взяла?

Дочь опять попыталась зарыдать, но на этот раз я не обратила на ее слезы внимания. Нехорошая догадка созрела во мне.

– Ты была с бабушкой в доме тети Гали...

– Мамочка, я случайно! Я не хотела!

Пока Ульяна приводила в порядок комнаты Ежовой, Ева рыскала везде без малейшего стеснения. В тумбочке она наткнулась на тетрадку.

Эта вещь ее очаровала. Котята! Цветы! Блестки! Корзинка! Ева не могла оторвать глаз от обложки, все гладила ее – такую выпуклую, с приятной шершавостью блесток... Она легко убедила себя, что после смерти хозяйки котяткам нужен новый дом. Сунув тетрадь под футболку, моя дочь вынесла ее и спрятала в своем тайнике.

Теперь котята принадлежали только ей.

– Мама, ты не сердишься? – Ева заглядывала мне в глаза. – Это ведь не кража, если хозяин уже умер!

– Я сержусь, и это кража. Представь, что я умерла бы, а кто-то проник в дом и забрал мои вещи.

– Даже колечко бабушкино забрал бы? – с ужасом спросила Ева, уставившись на мой перстень.

– Его в первую очередь. – Я непроизвольно дотронулась до кольца. – Ведь оно красивое. И понравилось бы этому человеку так же, как тебе – тетрадь. Приедет сестра тети Гали, захочет взять на память о ней какие-то вещи. Может быть, эту тетрадку. Понимаешь? Это – память об ушедших, о тех, кто нам дорог.

Дочь молчала.

– Я хотела вернуть, но боюсь туда идти, – прошептала она наконец.

– Я верну сама. Ты молодец, что рассказала мне. Но больше так не делай. Договорились?

– А если бы у тети Гали не было сестры, мне можно было бы взять ее вещи? – простодушно спросила Ева.

– Нет, и тогда тоже нельзя.

Мы посидели в чуланчике, обсуждая нюансы обращения с чужой собственностью, и выбрались наружу, когда внутри стало уже совсем нечем дышать.

– Поиграй с дедушкой, он будет рад, – сказала я, поцеловав ее во влажный лоб.

Ева с облегчением обняла меня и убежала. К вечеру она позабудет о случившемся. А может быть, и нет: никогда не знаешь, что осядет в памяти твоего ребенка мучительным воспоминанием, а что соскользнет с него, не оставив следа, как вода с утиных перьев.

Ключ от соседского дома я взяла в ключнице, что висит перед дверью. Тетрадь сунула, свернув, в задний карман джинсов. Не хочу, чтобы кто-то заметил, чем я занимаюсь.

Но подстраховаться на случай, если кто-то увидит меня, все-таки стоило.

Мимо очень удачно проходила Кристина.

– Кристин, я загляну ненадолго к соседке. Надо разобрать холодильник.

– Какая ты молодец, Таня, – вздохнула Кристина. – Хочешь, я тебе помогу?

Это не входило в мои планы. К счастью, у нее завибрировал телефон, и когда на экране высветилось «Сергей Ч. С.», она тотчас забыла о моем существовании. Без сомнения, звонил ее приятель, но когда Кристина, удаляясь, заговорила с ним, ее речь мало напоминала воркование влюбленной – скорее уж деловой разговор.

Что еще за Ч.С.? МЧС? Чудовищно скромный? Чемпион спорта? Честный супермен? Частный...

Но я уже стояла возле соседской двери, и загадочные буквы вылетели у меня из головы.

Не знаю, чего я ожидала от опустевшего дома. Я вошла в него с трепетом, с неуверенностью, словно таинство свершившейся смерти должно было неизбежно отразиться и на нем. Но внутри все было как обычно. Даже, пожалуй, аккуратнее. «Ульяна делала уборку», – вспомнила я. Моя свежая кровь расставила предметы по местам. Протерла пыль, на которую хозяйка редко обращала внимание. Изгнала паука. Грубо вторглась в чужое пространство, пользуясь тем, что его уже некому отстоять.

Я тихо прошлась по комнатам.

Как странно: был человек – и исчез. Его вещи, его фотографии, его зеркала, подушки, цветы и карандаши остались, остался миллион предметов, вещный кокон, окружающий любого из нас. Но бабочки в коконе нет. Улетела.

Вспомнив о цели визита, я достала тетрадь и положила на стол. Постояла, глядя на глупые мордочки котят.

Нет, Ева сказала, что нашла тетрадь в тумбочке. Присев на корточки, я потянула тугую дверцу, и на меня вывалился целый ворох тетрадей. По-видимому, Галя была из тех женщин, что не могут уйти из отдела канцелярских принадлежностей без покупки.

Мне это близко. Я сама такая же. Только покупаю карандаши и линеры. Незабываемое удовольствие: провести ровную тонкую линию на белом листе – словно деревце безмолвно упало на снежную равнину. Белый лист – это всегда ти-

шина. Рисуя, я наполняю ее звуками.

Собрав тетради в стопку, я засунула их обратно. Верхняя обложка привлекла мое внимание: мандрагора из «Гарри Поттера», раскинувшая ручки-корни и смешно вопящая во весь рот.

Я открыла тетрадь и увидела нарисованное той же рукой, что и цветущая ветка в рецепте, растение – корни, ветки, розетки листьев – и подпись: СНЫТЬ ОБЫКНОВЕННАЯ. Стрелочка возле зонтика соцветий недвусмысленно направляла на следующий разворот. Я перевернула страницу.

«ЦИКУТА. Она же вех ядовитый, она же свиная вошь, она же кошачья петрушка».

!!!! Морковный запах!!!!

Под упоминанием о запахе, заключенном в забор восклицательных знаков, во всех подробностях было изображено второе растение.

Мелкие бисерные буквы расползались по корням и стволу, как муравьи. Я пересела ближе к свету.

«Если разрезать корневище, в нем будут полости с жидкостью. Стебель с красноватым налетом, гладкий, в междоузлиях полый».

И так далее, и так далее. Я листала тетрадь, и растение за растением прорастали сквозь клетчатые страницы. Они были изучены, зарисованы, описаны. Кое-где Галя прибавляла собственные наблюдения: «... всегда сероватый пушок на стволе, но в октябре пропадает». «Листья у стебля скру-

чиваются в трубочку при засухе». «...муравьи его никогда не трогают!! – выяснить, почему».

Она знала и любила этот мир. Она изучала его. Воспроизводила в своих тетрадках.

Мне требовалось проветрить голову. Я вышла в маленький Галин огород.

Возле забора волновались под ветром осиротевшие пряные травы. Я узнала тот самый кервель, который Ежова добавляла во все блюда, – батальон листиков, похожих на петрушку. Она расхваливала его анисовый аромат и целебные свойства. За кервелем крошечная, с мизинчик, рукола тянула из земли бледненькие лапки – то ли третий, то ли пятый по счету урожай. От стоящих бок о бок зеленого и фиолетового базилика, рослых, с глянцевитым отблеском на листьях, распространялся чудесный свежий аромат. Эстрагон, мята, банальный укроп и какое-то незнакомое мне растение с пушистыми серебристыми стеблями – все они росли и зеленели даже в сентябре. Рядом лежала пленка – должно быть, Галина уже готовилась укрывать по ночам свои драгоценные грядки.

Я вернулась в комнату и снова взялась за тетрадь.

То, что мне было нужно, нашлось в середине.

КЕРВЕЛЬ, ОН ЖЕ ЛЕСНОЙ КУПЫРЬ (не путать с купырем ажурным!).

Полное описание. Под рисунком приписка: «СМ. тетр. № 1». Интуитивно потянув к себе тетрадь с котятками, я про-

смотрела ее и отыскивала целых четыре страницы, посвященные блюдам из кервеля.

Уже привычная стрелочка указывала, куда нужно пройти из основного описания. За стрелочкой обнаружилась вторая статья: *БОЛИГОЛОВ КРАПЧАТЫЙ, ОН ЖЕ ВОНЮЧАЯ ТРАВА, ОН ЖЕ СТВОЛЬНИК ЯДОВИТЫЙ.*

!!!!смертельно ядовит!!!!!!

Дальше шло перечисление отличий, на мой взгляд, довольно незначительных. *Стебель болиголова покрыт красноватыми пятнами, а у кервеля ровного цвета по всей высоте. Соцветия болиголова пахнут мышами. Черешки у болиголова гладкие, у кервеля – бороздка.!!!! Не ориентироваться на листья! Трижды перистые у обоих!!!!*

Я отложила тетрадь, прижала ладонь к глазам. Под закрытыми веками вспыхивали четко очерченные листья и мелкие, как мошки, белые соцветия.

Общее мнение, которого придерживался и следовательно, было таково: Галя по ошибке положила в начинку вместо кервеля болиголов. До этого часа его разделяла и я.

Но все эти люди не читали тетрадей, которые Галина скрупулезно заполняла изо дня в день. Не видели ее травяной огородик.

Она заучивала различия между этими растениями. Зарисовывала их.

Возможно ли, чтобы она собрала семена болиголова, не говоря уже о листьях? Зачем ей было идти за ним в лес, если

в двух шагах от двери этот самый кервель буйно зеленеет и радуется жизни? «Обожаю кервель, третий раз за год его сажаю», – вспомнились мне ее слова.

Истина возникла передо мной, вспыхнула зелеными буквами на темном, как земля, фоне, и была она записана прекрасным разборчивым почерком Галины Андреевны.

«ОНА НИКОГДА НЕ ПЕРЕПУТАЛА БЫ КЕРВЕЛЬ И БОЛИГОЛОВ».

Это было ее увлечение, нет, больше – страсть! Мы высушивали его, а Ежова этим жила. Сохраняла на зиму травы, сушила и морозила...

При мысли о «морозила» меня как будто потянули за веревочку, словно игрушечную лошадку.

Галина Андреевна однажды показывала мне свои запасы. Она в то время с восторгом неопита постоянно что-то запаривала, разливала по бутылочкам, добавляла в еду, не переставая посвящать окружающих в подробности своего нового увлечения. Я устаю от подобной эмоциональности, как от слишком громких звуков. Как от навязчивой музыки, играющей в маршрутке, в которой ты вынужден ехать еще десять остановок.

Следуя за натянувшейся веревочкой, я прошла на кухню и распахнула морозилку.

Узкий белый короб был заполнен небольшими плоскими пакетами с зеленоватым месивом разных оттенков. В глубине я разглядела замороженные куриные окорочка, пельме-

ни, фарш. Они меня не интересовали. Я вытащила верхний пакет. К нему был прилеплен желтый стикер с надписью: «Сельдерей-июнь-первая партия».

Я просмотрела остальные пакеты, читая надписи вслух.

Здесь хранилась сныть, ее любимый кервель – один и в сочетании с тархуном. Нашлась молодая крапива урожая этого мая. Под крапивой мне попались два пакета со щавелем. Ежова делала с ним то ли морсы, то ли пироги... Господи, да она во все добавляла свою зелень! Маленькая порция кислицы: сиренево-красный травяной винегрет. Коротенькие красноватые обрубочки ревеня, перекатывающиеся в прозрачном полиэтиленовом пузыре.

«Смесь базилик-кервель-мята». Я открыла пакет, понюхала. Странное сочетание.

«Смесь для супа». Какие-то темно-зеленые стрелки. Пахнет чесноком и чем-то трудноопределимым, похожим на кислое яблоко.

У меня еще не было никаких догадок. Я просто собирала информацию.

За моей спиной хлопнула дверь. Вошла Кристина, и брови ее поползли вверх при виде груды пакетов на столе.

– Ой, это что? То, чем она отравилась?

Я покачала головой.

– Не знаю. Нет, вряд ли. Это просто ее запасы.

– Я думала, ты уже все разобрала. Пришла помочь.

Меня кольнула нелогичность: если она считала, что я за-

кончила дела, в чем должна была заключаться помощь?

– Я задержалась, – медленно сказала я. – Такое странное чувство...

Когда говоришь о странном чувстве, пояснений не требуется. Это фраза-выручалочка, фраза – спасательный круг. Собеседник додумает за тебя, вложит свой собственный смысл.

– Ой, вот правда, – закивала Кристина. – Кошмар, Таня, был человек – и нету, в голове не укладывается, как такое может быть! Своими руками отравиться... ой, нет, не могу...

Она вытерла слезы. К Ежовой Кристина относилась, в общем-то, безучастно. Она оплакивает не Галину, а исчезновение привычного элемента ландшафта.

Припадок чувствительности закончился так же быстро, как начался. С деловитым видом Кристина стала перебирать пакеты, под которыми на столе успела собраться лужица. Мне отчего-то стало неприятно.

– Уберу их пока на место. – Я перехватила у нее замороженную сныть. – Вдруг понадобится для следствия.

Это была глупость, но Кристина согласилась.

– Принеси, пожалуйста, большой мусорный пакет, – попросила я. – Не нашла их у Галины. Надо выбросить скоропортящиеся продукты.

Что-то подталкивало меня избавиться от нее, остаться одной.

– Ну ладно... – Кристина выглядела удивленной. – Сейчас

принесу.

Я мысленно ухмыльнулась. Наша малышка понятия не имеет, где у них могут храниться мешки для мусора: мать с отцом оберегают ее от всякой домашней работы. Предполагается, что в скором будущем найдется человек, который сочтет за честь выкидывать за ней мусор, застилать кровать и мыть посуду.

Не удивлюсь, если так и произойдет. Она хорошенькая легкомысленная куколка при родительских деньгах. Судьба редко бывает к таким сурова.

Может показаться, что я недолюбливаю ее. Но это не так. Просто я хорошо помню, что она сделала три года назад, когда я сказала, что отныне воскресные обеды для нашей семьи означают обеды *вчетвером*: я, мой муж и наши дети. Я не злюсь на нее, нет. Каждый защищает себя, и она отстояла свое благополучие как умела. Но я помню.

Пока Кристина пыталась справиться с возложенным на нее заданием, я вернулась в комнату. Меня не оставляло ощущение, будто я что-то упустила.

Взялась пролистывать одну тетрадь за другой, но Галина Андреевна, писавшая так разборчиво, когда дело касалось рецептов или растений, все остальное заносила мелким летучим почерком, где буквы сливались в одну неровную линию. С трудом вчитавшись, я поняла, что держу в руках что-то вроде гроссбуха.

Нет, это не то, не то.

Склонившись над следующей тетрадью, я кожей ощутила, что мое время вышло. Так оно и оказалось: когда я приподнялась, за окном мелькнула фигурка Кристины с рулоном пакетов.

Нашла-таки!

Я торопливо сунула несколько тетрадей под футболку, за толкав их в джинсы. Остальные спрятала на место, решив разобраться с ними потом.

Я шла через сад, обдумывая, где спрятать тетради. Даже в просторном доме моих свекров это не так легко, как может показаться. Ульяна время от времени роется в наших вещах. Не то чтобы она надеялась отыскать там что-то противозаконное или раздобыть свидетельства моей измены мужу... Хотя в глубине ее души и таится надежда, что на дне моей сумки найдутся фотографии, где я в объятиях мускулистого любовника. Но толкает ее на этот обыск исключительно жажда контроля.

Как-то Ева застала ее, войдя в детскую: Ульяна рылась в школьном рюкзаке внучки.

– Бабушка, что ты делаешь? – возмутилась Ева. – Это мое!
Ульяна вскинула голову и раздула ноздри.

– Когда ты в нашем доме, ничего твоего здесь нет, – отчеканила она.

И прошла мимо ошеломленной Евы, неся себя с большим достоинством.

В отличие от Антоши, безобидного тюфячка, который даже обижаться не умеет – лишь испытывать горькое недоумение, – Ева сделана из другого теста. Как и я, она довольно злопамятна. Но если я ношу капсулу с воспоминаниями в себе, моя девочка действует.

Думаю, на мысль навела ее «Бриллиантовая рука». Мы с Ильей часто пересматриваем старые комедии, и Ева не раз видела эпизоды с общественницей Варварой Сергеевной в исполнении Мордюковой.

Не сказав нам ни слова, она одолжила игрушку у школьной подруги. Это была чрезвычайно реалистично исполненная резиновая змея. В обычном состоянии змея лежала тихо, свернутая в спираль, но при малейшем прикосновении резко распрямлялась, выбрасывая вверх узкую злую головку.

Ева с самым невинным видом попросила у папы скотч – «для школьных поделок». И закрепила змею с обратной стороны крышки на своем портфельчике.

Больше всего меня поразило, что моя девочка осуществила это не сразу, а выждав с месяц после того, как поймала бабушку за обыском.

Мы были в саду, когда из дома раздался душераздирающий вопль. Прибежав в детскую, мы увидели Ульяну Степановну, сидевшую в углу с бледным как мел лицом. После пережитого у нее не хватило сил скрыть правду. Она снова сунулась в рюкзак моей дочери, и оттуда на нее выпрыгнула, целясь прямо ей в глаз, жуткая ядовитая тварь.

Поняв, что произошло, я выскочила из комнаты. Меня душил хохот. Из детской доносились визгливые голоса, всхлипывания Ульяны Степановны, возбужденные выкрики Виктора Петровича, утешительное бормотание Варвары – и посреди этой какофонии на удивление невозмутимый голос моей дочери. Нет, она вовсе не собиралась пугать бабушку! Она и подумать не могла, что бабушка станет что-то искать в ее сумке! Эта змея посажена здесь от воров. У одной девочки в школе украли пенал с единорогами.

– Мам, а правда, зачем ты полезла в Евин рюкзак? – недоуменно спросил Илья.

Ульяна Степановна забормотала в ответ что-то невнятное. То ли ей послышалось изнутри какое-то шуршание, то ли она искала фломастеры... Под взглядами всех членов семьи у нее язык не повернулся заявить, что все в доме – ее.

Виктор Петрович пытался отчитать Еву и придумать должное наказание, но тут вернулась я.

На меня моя детка взглянула с нешуточным беспокойством. Похоже, лишь моей реакции она опасалась всерьез.

– За что вы ругаете внуку, Виктор Петрович?

Тот принялся объяснять, как пострадала его супруга.

– Разве Ева могла подумать, что бабушка станет искать что-то в ее вещах без разрешения?

Я подчеркнула «без разрешения». На самом деле, когда первый приступ смеха прошел, меня охватила холодная злость. Первый случай с рюкзаком еще можно было списать

на случайность. Второй говорил о системе. Мне вспомнилось, что я постоянно находила свои вещи лежащими не в том порядке, как я их оставила, однако раз за разом списывала это на забывчивость. Теперь стало ясно, что с памятью у меня все в порядке.

– Но ведь так можно и воришку до полусмерти напугать, – нашелся Виктор Петрович. – Ева, разве ты хотела бы, чтобы кто-то пострадал?

– Хотела, – кивнула Ева, глядя на него ясными глазами. – Воровать плохо.

Потом, конечно, я провела воспитательную работу. Рассказала о границах, в которых можно защищать свои вещи. Но, боюсь, дочь все время чувствовала мое молчаливое одобрение.

Ева, приручившая змея!

Однако нужно было придумать, куда спрятать тетради Ежовой – и побыстрее, пока кто-нибудь не спросил, отчего у меня топорщится футболка. В ворота въехала машина мужа. Я пошла навстречу Илье, и одновременно с противоположной стороны к нему устремился Виктор Петрович.

– Как съездил, Илюша? – заискивающе спросил он, заглядывая снизу вверх в лицо сына, когда тот вышел из машины. – Все купил?

– Ага. – Илья открыл багажник. – Осторожно, пап!

– Ничего, ничего... Давай помогу тебе. Что взять-то? Капусту привез! Молодец, это ты хорошо придумал, я как раз по голубцам соскучился, а мамочка такие голубцы готовит... Да что я тебе... ты и сам знаешь... Как тебе голубцы-то ее, а? Ни у кого, поди, таких вкусных не ел!

Виктор Петрович засуетился возле пакетов с продуктами. Он был жалок, как побитая собака. Илья, полуобняв отца за плечи и ласково приговаривая, что ему нужно себя беречь, отвел его к скамейке. Тот выдержал там всего минуту и снова принялся ходить за Илей.

Я вмешалась:

– Отнесу мороженое, пока не растаяло.

С этими словами я сунула тетради под коврик на дне багажника. От мужа и свекра меня закрывал корпус машины.

Пусть пока хранятся здесь. Тайникам в доме я не доверяю.

Когда я уходила, Виктор Петрович твердил Илье, что тот замечательные яблоки купил, просто отборные, посмотри, Илюша, до чего красные – чисто пожарная машина!

Так лепечут с трехлетними малышами, а не с тридцатилетними мужчинами.

Виктор Петрович начинает остро любить своего сына только в минуты неуверенности. Он до сих пор слаб физически, да и потрясение сыграло свою роль.

И, как всегда, чем беспомощнее он себя чувствует, тем громче он требует любви. Если напомнить ему о том, как он заявил сыну, что тот делал из мухи слона, принимая близко

к сердцу школьную травлю, – действительно жестокую, уж я-то знаю об этом, – Виктор Петрович чрезвычайно изумится. Его глаза увлажнятся, губы задрожат. «Что ты такое говоришь, Таня! Как тебе не стыдно... поклеп... зачем... Разве ты от нас что-нибудь плохое видела? Неблагодарная ты женщина, Таня!»

И старики слеза поползет по одутловатой щеке. В такую минуту легко забыть, что ему всего пятьдесят восемь лет, что он бодрый здоровый мужчина.

Прилив слюнявой нежности к сыну пройдет очень скоро. Едва Виктор Петрович почувствует себя на коне, к нему вернуться грубость и бессердечие.

Но пока Илья радуется этим крохам. Думает, что, уstraшенный смертью соседки, папа позволил себе быть самим собой.

Он ошибается. Откровенен его отец был именно тогда, за столом. Вот когда Илья имел дело с ним настоящим! И еще – двадцатью с лишним годами ранее, когда тот приказал избитому сыну, пришедшему к нему за помощью, разбираться со своими обидчиками самому, а не распускать нюни.

– Яблочки... яблочки-то какие... – бормочет за моей спиной Виктор Петрович. – Красные, как мак!

Когда я раскладывала мороженое, в кухню вбежали Ева и Антон.

– Пломбир! – объявила я. – Тихо, тихо, не толкаться!

Пользуясь отсутствием бабушки, Ева залезла на табуретку с ногами. Антоша самозабвенно слизывал со своего пломбира шапочку. Этот ребенок так аккуратно и медленно ест, словно медитирует. Ева, хрустя, отгрызала кусочки от вафельного стаканчика.

– Ева! Не кроши.

– Ма, а где зеленая фигня из морозилки?

– Ты о чем?

– Ну, зеленый такой пакет. Плоский. С какой-то травой внутри.

– М-м-м... по-моему, ты что-то путаешь. Я не видела у бабушки ничего подобного.

Но Ева уперлась:

– Вот здесь, в ящике с мороженым! Стоял у дальней стенки!

– Я тоже его видел, – подал голос мой сын, не отрывая зачарованного взгляда от жирной белой капли, которая ползла по стаканчику вниз.

Я внимательно посмотрела сначала на Еву, потом на Антона.

– Покажите мне, где он был.

Оба, не сговариваясь, показали на ящик, куда я только что выкладывала стаканчики в упаковке.

– Это, наверное, был аккумулятор холода, – не совсем уверенно сказала я.

– Аккумуляторы – синие, – с чувством глубокого превос-

ходства сообщила Ева. – И лежат внизу. А тот был зеленый. Не знаю, кто его съел! Может, выкинули?

Я выдвинула нижний ящик морозилки, чтобы убедиться, что аккумуляторы холода и впрямь синие.

В огромном холодильнике моей свекрови все всегда хранится на своих местах. Есть раз и навсегда заведенный отсек для замороженного мяса, есть ящик для рыбы и отдельный угол для пельменей. А мороженое мы складываем на узкую полку, прикрытую вечно выпадающей дверцей.

Ни Ульяна, ни Варя с Кристиной не могли положить сюда ничего другого.

– Как выглядел этот зеленый пакет?

Ева нахмурилась.

– Такой плоский, не очень большой... – Она очертила в воздухе что-то похожее на тетрадку. – С зеленой гадостью внутри. Как гусеницы давленные!

– Зеленая масса?

– Да, точно, масса, – облегченно подтвердила она.

– Ты не видела, кто его забрал?

Ева отрицательно помотала головой.

– Антон, а ты?

– А? Чего?

– Ты видел, кто взял зеленый пакет из морозилки?

– Не-е-е! – протянул он и слизнул каплю.

Я внимательно осмотрела ящики. Оставалась вероятность, что загадочный зеленый пакет с «давленными гусени-

цами» переместили в более подходящее место. Но в морозилке не нашлось ничего похожего.

Пакет был, а теперь он исчез.

– Ева, когда ты его видела?

Дочь покраснела. С трудом я добилась от нее внятного ответа, пообещав предварительно, что не стану ругать. Оказалось, они тайком таскали мороженое. В последний раз это было...

– ...перед тем днем, когда дедушка отравился!

– ...нет, перед тем днем, когда Люся купалась в компоте, – хихикнул Антон.

– Это был один и тот же день, – сказала я, думая о своем. – А до этого? Сколько времени пакет провел в морозилке? Признавайтесь! Не сомневаюсь, вам это известно. Вы постоянно лазили за мороженым! Его должно было хватить, по моим подсчетам, еще на месяц, а морозилка утром была пуста.

Они засопели, милые мои воришки. Затем пошептались, отойдя в угол и опасливо поглядывая на меня. И, наконец, объявили, что пакет провел в морозилке два дня. Или три. Но, скорее всего, все-таки два.

Эти хитрецы отлично понимали, что косвенным образом вынуждены свидетельствовать против себя. Каждые два дня утаскивать по пломбиру им, разумеется, запрещалось. Но по моей интонации они догадались, что дело серьезное, и заключили – справедливо, – что когда я узнаю правду, мне бу-

дет не до нравоучений.

– Мам, а что было в пакете, что? – зашептала мне на ухо Ева.

– Не знаю, улиточка. В том-то и дело.

Дети убежали играть. Я побродила по дому, пытаюсь найти какой-то угол, куда можно было бы приткнуться и спокойно поразмышлять.

Но в саду был свекор, дома – Ульяна и ее дочери. Мне не хотелось видеть сейчас даже Илью. В конце концов я сообщила: мансарда!

Здесь пусто и пыльно. Вдоль наклонных стен высятся коробки, не разобранные с давних пор.

Я легла на пыльный пол, закинула руки за голову и стала рассматривать узкие, как лапша, золотистые доски.

Теперь я знаю, как погибла наша соседка.

«Ошиблась!» «Перепутала травы!»

Чепуха!

Ежова ничего не перепутала бы; она была исключительно внимательна и скрупулезна. Пятьдесят семь лет. Никаких проблем с памятью. Отличная концентрация. Аккуратность во всем, что касается ее растений, – достаточно вспомнить домашние справочники-тетради и тот порядок, в каком содержалось все, относящееся к ее хобби.

– Кто-то отправился в лес и собрал там листья и семена болиголова, – тихо сказала я, глядя в потолок. Два вытя-

нутых темных спилов сучков надо мной напоминали вытаращенные глаза домового. – Этот человек был вхож в дом Ежовой. Он знал, как она хранит зелень. Он нарезал болиголов и положил его в пакет, а пакет спрятал в морозилке.

«Глаза», казалось, потемнели от удивления.

Затем он пришел к Галине. Ключом мог воспользоваться любой. Если она была дома, он придумал предлог, чтобы выпроводить ее на несколько минут. Пока ее не было, подменил одну из заготовок в морозилке на свою и приклеил сверху стикер, подписанный ее рукой.

Все остальное было вопросом времени. Быть может, болиголов и теряет свои ядовитые свойства от длительного хранения, но выяснить этого несчастной Ежовой не пришлось. От того момента, когда болиголов заморозили, до его попадания в пирог прошло не больше трех дней.

«Накануне».

– Накануне, – шепнула я домовому. – Пакет исчез из нашей морозилки накануне ее смерти, в субботу. Она использовала его на следующий день. Половиной пирога Галя поделилась с нами, а половину съела сама.

«Почему она не почувствовала запах болиголова?» – с сомнением спросил домовый.

– Если бы мне нужно было отравить Ежову, – медленно начала я, – подменная смесь состояла бы не из чистого болиголова, а из смеси. Немножко кербеля, немножко базилика. Так делала и сама Галина. Их сильный аромат перебил бы

слабый запах болиголова.

«А семена?»

– Должно быть, она решила, что это семена укропа. На рисунках в ее тетради они очень похожи.

«Отравитель живет в доме моих свекра и свекрови».

У меня язык не поворачивался произнести это вслух.

В доме, где я провожу с детьми выходные или отпуск моего мужа, как сейчас.

Я с трудом подавила порыв кинуться вниз, схватить Антона и Еву в охапку, затолкать в машину и увезти. «Тихо, тихо! – сказала я себе. – Спокойно! Они никому не расскажут о пакете. Я их предупредила. Никто не узнает, что они видели заготовку, которую сделал убийца».

Убийца.

Вот мы и дошли до самого главного.

Домовой выжидательно смотрел на меня.

– На первый взгляд все указывает на то, что это Люся, – шепнула я. – Ведь именно она испортила ужин. Люся в хорошие дни ходит на прогулки одна. У нее была возможность нарвать отраву. И она прилаживалась с Ежовой, так что попасть к той в кухню и подменить пакет не составило бы для нее труда.

Да, но зачем?

А главное, Люся спокойно наблюдала, как ее родной племянник ест пирог.

Знай она, что содержится в начинке, разве не вмешалась

бы?

Мне вспомнился дикий крик Ульяны: «Что ты жуешь?!» Ее налитое кровью лицо, когда она поняла, что муж подобрал кусок прямо с пола.

Тогда я решила, что она испугалась из-за осколков, которые могли оказаться в пироге.

А если нет?

Домовой молча таращился на меня.

– Кто мог нарвать ядовитую траву и спрятать в морозилке? – тихо спросила я.

«Любой».

Да, это правда. На кухне хозяйничает Ульяна, но изредка готовит и Варвара, и даже Кристина, когда насмотрится каких-нибудь инста-гуру кулинарии. Люся крайне редко стряпает сама – ей трудно подолгу стоять возле плиты – и к тому же мало ест, но ничего не мешало ни ей, ни Виктору Петровичу воспользоваться морозилкой.

И, конечно, моему мужу.

Здесь я твердо сказала себе: «Стоп». Илья вне подозрений. Я знаю его одиннадцать лет. Он добрый порядочный человек. Его невозможно представить в роли отравителя, я не буду даже пытаться. Никаких умозрительных «а если», никаких теоретических «а вдруг». К черту! Все это дрянные измышления.

На лестнице послышался шорох.

Я перекатилась к стене и затаилась за коробками. Спустился

минуту подползла к люку и заглянула вниз.

Никого. Мне послышалось.

«А прятаться-то зачем?» – недовольно проворчал домовой.

С одной стороны, он прав: я не совершаю ничего противозаконного. Но попробуй объясни Харламовым, почему среди бела дня их невестка валяется в мансарде и пялится в потолок. Это подозрительно! Нормальные люди так себя не ведут!

Меньше вопросов – больше свободы действий для маневра.

Неожиданно мне вспомнилось, что в субботу, кроме нас, здесь был и Богун. Соседка знала его как жениха Варвары. Он мог бы зайти под каким-нибудь предлогом...

Но зачем, зачем?

«А зачем это Харламовым?» – пискнул домовой.

И если это кто-то из них, отчего отравитель спокойно наблюдал, как Виктор Петрович ест пирог? Этот вопрос не давал мне покоя.

Где-то в моих рассуждениях ошибка.

Можно было бы выкинуть все случившееся из головы. Я не собиралась делиться тем, что узнала, с полицией. Обвинить в убийстве семью собственного мужа... Хм-хм, заманчиво! Но нет. Я далека от любых идей вроде восстановления справедливости или отмщения за смерть невинного. Невинные умирают. Их убийцы живут долго и счастливо.

Это неправильно. Но я не тот человек, который будет вмешиваться в ход событий, будь он хоть трижды порочен.

Однако если мои дети и муж находятся под одной крышей с убийцей... Я должна это прекратить.

Глава 7

Сергей Бабкин

Сергею пришлось влезть в костюм. Костюмов и себя в них он терпеть не мог, но выбора не было: предстоящее дело требовало конкретного образа. Он потоптался перед зеркалом, мрачно разглядывая отражение.

– Я похож на телохранителя мафиози!

– Ты похож на того, кто собирается убить и телохранителя, и мафиози, – сказала Маша.

– Не таких комплиментов ожидал я от любимой жены, – с горечью упрекнул ее Бабкин.

Любимая жена поцеловала его, застегнула ошейник на собаке и сообщила, что они убежали гулять, счастливо, пиши, и смотри, осторожнее там!

– Где – там? – крикнул Бабкин ей вслед.

– В метро-о-о! – донеслось уже от лифта.

Бабкин выругался под нос, вспомнив, что его ждет, и выложил ненужные ключи от машины.

Фирма «Агро-свет», в которой Григорий Богун проработал почти два года, имела целых пять подразделений, базировавшихся в разных районах Москвы, но транспортный отдел с прилепившейся к нему бухгалтерией располагался на Бауманской, в двух шагах от метро. Секретарь, сердечная

пожилая женщина, с которой Бабкин говорил накануне по телефону, назначила ему встречу на двенадцать тридцать. Сергей сомневался, что в это время там отыщется свободная парковка.

В половине двенадцатого Бабкин в своем костюме, чувствуя себя разряженным, как обезьяна, спустился в метро.

Он не любил общественный транспорт. Во-первых, из-за своих габаритов. Те, кто проектировал высоту поручней и ширину сидений, в своих расчетах не учитывали людей, подобных Сергею.

Во-вторых, из-за толпы.

В отличие от Макара Илюшина, нырявшего в людской поток с той же легкостью, с какой плотвичка вливается в серебристый косяк, Бабкин вечно ощущал себя тем, кто идет поперек и против шерсти. В него то и дело врезались. Его пугались, особенно немолодые женщины, обвешанные тяжелыми сумками. В его памяти был свеж случай, когда одна такая горемыка, вынесенная прямо на него из вагона потоком пассажиров, взвизгнула, шарахнулась и вдруг истово перекрестилась. Задевать всерьез это его не могло. Но было неприятно.

Илюшин, двигаясь в толпе, ухитрялся волшебным образом ни к кому не прикасаться, будто защищенный невидимым тонким скафандром. Бабкина же облепляли со всех сторон, словно крабы – выброшенную на берег тушу дохлого морского льва.

... На Бауманской он привычно поймал на себе взгляды

двоих полицейских. Однако костюм сыграл свою роль – эти взгляды на нем не задержались.

«Хе-хе!» – сказал он про себя. Вот она, правильная самопрезентация.

Оставалось надеяться, что в «Агро-свете» она ему тоже поможет.

Он миновал охранника на проходной, показав документы, и оказался во внутреннем дворе длинного четырехэтажного здания. Из распахнутого окна на втором этаже доносился звучный женский голос:

– Звони ему прямо сейчас, он все подпишет!.. Звони, Марина!.. Что? Я тебя умоляю! Он послушный, как дохлый зайчик!

На широком крыльце под навесом несколько женщин с загорелыми лицами курили, красиво выпуская дым. Все они были в джинсах одинакового фасона. Бабкин заподозрил, что какой-нибудь коммивояжер, просочившийся в «Агро-свет», сделал хорошую выручку на продаже лежащего товара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.